A 283/327

Плачъ и вопль кающейся грѣшной души

покаянныя размышленія

на каждый день недѣли,

аѳонскаго

инока Фикары.

Заимствовано изъ книги „Вертоградъ Душевный“.

Изданіе второе.

А 283/327

ПЛАЧЪ И ВОПЛЬ

КАЮЩЕЙСЯ

ГРѢШНОЙ ДУШИ.

ПОКАЯННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ НЕДѢЛИ,

АѲОНСКАГО ИНОКА ФИКАРЫ.

Заимствовано изъ книги „Вертоградъ Душевный“.

Изданіе 2-е.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ * ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Е. А. ГУБАНОВА.
1899.

2007044341

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва. 28 іюля, 1899 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщенныя здѣсь покаянныя размышленія, въ переводѣ на русской языкъ, взяты изъ книги „Вертоградъ Душевный“, которая была составлена Аѳонскимъ иноком Фикарою. Книга эта переведена на церковнославянскій языкъ извѣстнымъ ревнителемъ православія въ западной Россіи Архимандритомъ Свято-Духова монастыря въ г. Вильнѣ Леонтіемъ Карповичемъ и напечатана тамъ въ 1620 году. Размышленія эти главнымъ образомъ заимствованы изъ твореній св. Ефрема Сирина, которому по справедливости усвоено названіе проповѣдника покаянія; эти заимствованія подобраны весьма удачно и не всегда приводятся буквально: иногда онѣ дополняются собственными мыслями благочестиваго инока Фикары и производятъ такое глубокое и умиляющее впечатлѣніе на душу, какое могутъ производитъ только творенія святыхъ отцевъ. Это дѣйствительно плачъ и вопль кающейся грѣшной души, которая изливаетъ свою скорбь о грѣхахъ предъ безконечнымъ милосердіемъ Божіимъ.

Въ книгѣ инока Фикары „Вертоградъ Душевный“, размышленія эти расположены по днямъ недѣли, т. е. на каждый день по одному размышленію, а на субботу положено два размышленія: на утро и вечеръ. Мы оставили тоже самое расположеніе, какъ и у инока Фикары, въ той надеждѣ, что, быть можетъ, благочестивый читатель и самъ пожелаетъ подражать благому примѣру инока Фикары и будетъ прочитывать эти молитвенныя размышленія по одному на каж-

дый день передъ сномъ, что и будетъ служить ему какъ бы провѣркою его совѣсти за минувшій день. Кромѣ того эти покаянны размышленія дополнены нами еще выдержками—въ концѣ книги—изъ разныхъ знаменитыхъ христіанскихъ писателей и древнихъ мудрецовъ, напримѣръ: Гоголя, Паскаля, Марка Аврелія и Эпиктета—изъ коихъ два послѣднихъ хотя и не были христіанами, но поученія ихъ на столько высоки и нравственны, что въ числѣ почитателей Эпиктетова ученія были и древніе христіане. Такъ, напримѣръ, блаженный Августинъ въ своихъ писаніяхъ отзывается объ Эпиктетѣ съ большимъ уваженіемъ, похвалою и сочувствіемъ. А знаменитый и глубокоученый христіанинъ Оригенъ пишетъ, что въ его время христіане очень усердно занимались ученіемъ Эпиктета, получали себѣ пользу отъ его наставленій и такимъ образомъ еще больше укрѣплялись въ истинахъ христіанскаго ученія. Точно также и нашъ русскій святитель святой Тихонъ Задонскій и въ сочиненіяхъ своихъ сочувственно упоминаетъ объ ученіи мудреца Эпиктета.

И. С. И.

Плачъ кающейся души.

РАЗМЫШЛЕНІЕ I.

(Понедѣльникъ).

Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю... Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?..

(Рим. 7, 19—24)

Помилуй меня, Господи, ибо я немощенъ; исцѣли меня, Господи, ибо кости мои потрясены! (Псал. 6. 3).

Пріими молитву отъ сквернихъ и нечистивыхъ устъ, о Владыко сѣхъ, Человѣколюбче Іисусе Христе! Не погнушайся мною, какъ едостойнымъ, какъ неразумнымъ, какъ уподобившимся скотомъ немысленнымъ,—не лиши Твоего утѣшенія бѣдную душу мою, которая воими дѣлами аду приближилась! Взыщи меня-овцу заблудшую: ѣтъ во мнѣ ни усердія, ни умѣнья, чтобъ исправить себя; я осѣпилъ себя удовольствіями плотскими, и вотъ душа моя помрачена, ердце мое—окаменѣло отъ упоенія страстями... Предъ Тобою, Господи, Спасе міра, исповѣдую и все горе мое, мое лукавство, ое неразуміе скотское, и всѣ щедроты Твои, все утѣшеніе, все то, то Ты, Человѣколюбецъ, творилъ со мною по благости Твоей! Съ амаго ранняго возраста я уже оскорблялъ Тебя, не радѣлъ о до-

бродѣтели, прилежалъ всякому злу, участвовалъ во всякомъ грѣхѣ
но Ты, о Владыко мой! Ты не смотрѣлъ на грѣховность мою, н
Твоимъ неизреченнымъ щедротамъ!.. Сыне Божій! дерзновенно подъ
емлю поникшую долу главу мою, уповая на благодать Твою, и
потомъ снова опускаю, вспомянувъ грѣхи мои; Твоя благодать вле
четъ меня туда противъ желанія моего... Да, золъ навыкъ страс
ный; онъ вяжетъ мою мысль узами нерѣшимыми, и эти узы ока
зываются всегда мнѣ пріятными: злымъ навыкомъ, какъ сѣтями,
окаянный опутываю самъ себя и радуюсь, будучи связанъ; погру
жаюся въ горькомъ грязномъ омутѣ, и услаждаюсь этимъ; еже
часно врагъ поновляетъ узы мои, а я тѣмъ веселюся... О, как
велико коварство врага! Онъ не связываетъ меня узами, каких
я не желаю; но всегда приноситъ для меня такія узы и сѣти, ко
торыя и самъ съ великимъ наслажденіемъ принимаю отъ него: он
знаетъ, что мой грѣховный произволъ сильнѣе меня, и приноси
мнѣ такія оковы, какія я самъ пожелаю. Вотъ о чемъ-бы мн
плакать и рыдать! Вотъ въ чемъ мой стыдъ и поношеніе! Я ско
ванъ моими же похотями, я могъ бы разбить эти оковы въ одн
мгновеніе и освободиться отъ всѣхъ сѣтей, но самъ того не хоч
меня одолѣла слабость моя, меня поработили себѣ навыки страс
ные... И вотъ еще что особенно гибельно для меня, вотъ о чем
должно плакать, покрываясь стыдомъ: я дѣйствую за одно съ вр
гомъ моимъ: онъ вяжетъ меня, а я умерщвляю себя страстям
которыя доставляютъ ему радость; я могъ бы разбить его окови
но самъ не хочу: могъ бы избѣжать его сѣтей, но не желаю; ес
ли что-нибудь горестнѣе этого, достойнѣе слезъ и рыданій!? М
жетъ-ли быть что-нибудь болѣе постыдное? Нѣтъ! я увѣренъ, ч
не можетъ быть большаго позора, какъ исполнять желанія вра
своего.

Такъ, въ окаянствѣ моемъ, я не хочу познать оковъ моихъ,
тщательно прикрываю ихъ каждую минуту отъ постороннихъ в

ровъ наружнымъ образомъ благоговѣнія; но совѣсть моя, несмотря на то, обличаетъ меня и обличаетъ всегда: зачѣмъ, говоритъ она,— не трезвишься, окаянный? Или не вѣдаешь, что уже при дверяхъ страшный день судный? Возстань и укрѣпись, разорви свои оковы: для тебя еще есть сила, могущая тебя вязать и разрѣшать! Такъ всегда обличаетъ меня святая совѣсть; но я самъ не хочу разстаться съ моими сѣтями и оковами; я каждый день плачу и рыдаю о томъ, но остаюсь связаннымъ тѣми же самыми страстями... О окаянный и страстный! Я ни мало не страшусь, будучи опутанъ сѣтями смерти. Моя наружность принимаетъ видъ благопристойности въ присутствіи другихъ, но душа остается скованною непристойными помыслами; по внѣшности я тщательно стараюсь казаться благочестивымъ, а по душѣ — я мерзокъ въ очахъ Божіихъ; лицемѣрно подслащаю рѣчь мою, когда говорю съ людьми, а самъ исполненъ горечи и лукаваго произвола. Что мнѣ дѣлать въ день суда Божія, когда Богъ откроетъ все тайное на судищѣ страшномъ? Великій страхъ часто оковываетъ мое грѣшное сердце; я чувствую, что затянутъ узами неисчетныхъ беззаконій моихъ; я знаю, что *тамъ* ожидаетъ меня мука вѣчная, если *здѣсь* не умолю со слезами моего Судію... Вотъ почему припадаю къ стопамъ Твоимъ, Владыко! не удержи щедротъ Твоихъ во гнѣвѣ своемъ, Господи! Ты самъ ожидаешь моего обращенія, Ты не желаешь видѣть никого въ огнѣ неугасающемъ, ибо Ты всѣмъ человѣкамъ хощешь спастися въ жизнь вѣчную, дерзая на человѣколюбіе Твое, умоляю Тебя, Іисусе Христе, Сыне Божій! призри на меня и помилуй меня! Изведи изъ тьмы беззаконій душу мою, да возсіяетъ свѣтлый лучъ Твой въ моемъ помышленіи,— прежде, чѣмъ отойду на будущій судъ страшный, когда уже невозможно будетъ покаяніе во грѣхахъ... Страхъ объемлетъ меня, окаяннаго и многонемощнаго, или лучше сказать—нечестивца; какъ я пойду туда не готовый и совершенно обнаженный отъ всякой добродѣтели! Страхъ и трепетъ связываютъ

меня, когда я вижу, насколько я лѣнивъ къ доброму, какъ обуреваюсь грѣшными помыслами, когда вижу, что повинуюсь бѣсамъ, которые обольщаютъ меня сластями на погибель... Я уподобился купцу лѣнивому и нерадивому, который съ каждымъ днемъ теряетъ свой капиталъ и проценты,—такъ и я, страстный, самъ себя лишаю небесныхъ благъ, среди многихъ искушеній, влекущихъ меня на зло... Я самъ чувствую, какъ враги обкрадываютъ меня ежечасно, и вопреки желанію моему увлекаюсь въ постыдные помыслы, которые ненавижу... Ужасаюся при мысли о моемъ зломъ произволѣ, при мысли о томъ, въ чемъ онъ погрѣшаетъ безразсудно, страшусь, когда помышляю о моемъ ежедневномъ раскаяніи, которое не имѣетъ подъ собою твердаго основанія въ воздержаніи, ибо до этого не допускаетъ врагъ души моей: каждый день полагаю я основаніе, и снова своими же руками разрушаю труды свои: нѣтъ! еще не положило добраго начала мое искреннее покаяніе, еще не видно конца моему злому нерадѣнію! Я все еще работаю желаніямъ врага моего, усердно исполняя все, что онъ ни захочетъ... О, кто дастъ главѣ моей воду неизсякаемую и очамъ моимъ источникъ слезъ? Пусть бы ручьемъ текли эти слезы и я всегда плакалъ бы предъ всещедрымъ Богомъ, дабы послалъ Онъ благодать свою исторгнуть грѣшника изъ пучины морской, увлекающей ежечасно блудную душу мою бурными волнами грѣховными! Усилились злыя хотѣнія мои, они стали язвами неисцѣльными... Блудница оная стала вдругъ цѣломудренною, объятая страхомъ суда Божія; она возненавидѣла скверный грѣхъ, воспоминая будущее осужденіе вѣчное и нестерпимыя муки. А я, несчастный, молясь ежедневно противъ страстей грѣховныхъ, не отвращаюсь отъ нихъ, но все еще остаюсь въ моемъ зломъ обычаѣ, и надѣюсь покаяться впослѣдствіи... И суетнымъ обѣщаніемъ такого покаянія всегда самъ себя обманываю: всегда говорю, что каюсь, но на дѣлѣ никогда не каюсь; на словахъ только каюсь со тщаніемъ, а на дѣлѣ да-

лекъ отъ покаянія; а если еще при этомъ благополучно течетъ жизнь моя, то и вовсе забываю бренность естества моего, забываю, что грѣшу сознательно, и еще болѣе погружаюсь въ бездну грѣховную... Исавъ не обрѣлъ мѣсто къ покаянію, потому что съ наглымъ намѣреніемъ совершилъ грѣхъ, а не по увлеченію согрѣшилъ: онъ и Бога не устыдился, и родителей огорчилъ не по заблужденію, а сознательно, и при томъ тогда, какъ родители наставляли его во всемъ добромъ. Не обрѣлъ мѣста покаянію и Іуда предатель, потому что согрѣшилъ живя съ самимъ Господомъ, и зналъ, что дѣлалъ, ибо имѣлъ и опытъ благодати Божіей... Итакъ, чего же ожидать мнѣ, окаянному, отъ грѣховъ моихъ, сознательно мною содѣланныхъ? И если только помыслившій злое уже уподобляется содѣлавшему грѣхъ, то какъ же я буду давать отчетъ въ безчисленномъ множествѣ грѣхопаденій моимъ? Хамъ, только помысливший о позорѣ отца своего, былъ отверженъ; единомысленники Корея, еще не предпринявшіе ничего худаго, были поглощены землею; также погибли огнемъ небеснымъ воины, посланные взять пророка Илію; Саулъ едва сложился въ помыслѣ къ идолослуженію, уже былъ отверженъ; Ахитофелъ не дѣлавшій, но лишь давшій совѣтъ на зло, умеръ во грѣхѣ своемъ; не великъ былъ, по нашему сужденію человѣческому, и проступокъ сыновей Аароновыхъ, однако же они поплатились за него смертію, наконецъ и Сапфира, пренебрегшая покаяніемъ, не улучила времени для покаянія. Разсматриваю дѣла мои и внимаю моему произволу, жду рѣшенія правды Божіей и заранѣе признаю праведнымъ мое осужденіе. Зачѣмъ я обольщаю себя напрасно безукоризненною внѣшностью? Вѣдь я чуждъ всякой дѣйствительной добродѣтели, и всегда творю противное предъ очами самого Всевидящаго Бога? Справедливо осуждены фарисеи, обличаемые самимъ Спасителемъ, Который называетъ ихъ внѣшность полною лицемѣрія и лукавства. И со мною часто случается тоже самое: я не доволенъ, когда обличаетъ меня совѣсть

моя, жестокими кажутся мнѣ ея обличенія. Да! горька истина тому, кто старается укрыться отъ нея.

Итакъ — отложу мою благовидную внѣшность и видны будутъ черви мои, сниму личину раскрашенную, и увидятъ люди во гробѣ — трупъ разлагающійся, познаютъ цѣну нашихъ дѣяній, и видно будетъ имъ подобіе фарисейское... А если что и сокроется здѣсь отъ взоровъ людскихъ, то все искусится огнемъ на судѣ, по слову апостола. Подай мнѣ руку помощи, Господи, подай руку на землѣ валяющемуся! Хотѣлъ бы я встать, да не могу: бремя грѣховное давитъ меня, злой навыкъ удерживаетъ меня... Вижу, что нахожуся среди мрака, среди тьмы непроглядной: я простираю руку и, будто разбитый параличемъ, въ одно и тоже время — и благодушествую и печалюсь; молюсь объ освобожденіи и унываю отъ поста; доброе произволеніе у меня есть, но все отъ чего-то претыкаюсь; люблю я выстаивать долгія службы церковныя, но не забочусь о благоугожденіи Богу. Какъ я дерзну просить оставленія прежнихъ моихъ грѣховъ, не оставляя прежняго образа жизни моей? Какъ совлекусь я ветхаго человѣка тлѣющаго, не отложивъ прежде прельщающихъ меня похотей? Увы мнѣ! какъ я понесу обличенія законопреступныхъ дѣлъ моихъ и помышленій? Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое! уста недостойныя вопіютъ къ Тебѣ, Владыко, сердце нечистое, душа грѣхами себя осквернившая! Услыши меня ради благости Твоей, не отрини моленія моего, ибо Ты не отвергаеши молитвы истинно кающихся... Но мое покаяніе нечисто, не постоянно: я часъ каюсь, а потомъ цѣлые дни прогнѣвляю Тебя... Укрѣпи мое сердце страхомъ Твоимъ, утверди душу мою на камени покаянія, да побѣдитъ свѣтъ благодати Твоей — сущую в мнѣ тьму.

Склонись на молитву мою, преблагій Господи, не ради правд моей, ибо нѣтъ во мнѣ ничего добраго, но ради Твоихъ щедрот

ради Твоей же многой и неизреченной благости! Укрѣпи мои члены, грѣхомъ разслабленные, просвѣти мое сердце, злымъ похотѣніемъ омраченное... Самъ не допускай меня до дѣяній грѣховныхъ, дабы не низвергнулъ меня совсѣмъ сопостатъ.

Не отврати лица Твоего отъ меня, да не услышу отъ Тебя: „истинно говорю тебѣ — Я не знаю тебя!“ Спаси, Господи, отъ смерти душу скорбящую, Ты, имущій власть живота и смерти! Ты самъ сказалъ: простите и дастся вамъ. Очисти же меня, Господи, отъ всякаго грѣха прежде конца, даруй мнѣ, Человѣколюбче, въ теченіи всей остальной недолгой жизни моей, проливать отъ сердца слезы къ очищенію душевныхъ сквернъ моихъ, дабы возмогъ я хотя немного *здѣсь* расплатиться по многочисленнымъ рукописаніямъ грѣховъ моихъ, а *тамъ* спастись подъ покровомъ всесильной десницы Твоей, когда вострепещетъ всякая душа отъ страшной славы Твоей. Ей, Владыко, Господи Сыне Божій Единородный! услыши и пріими моленіе грѣшнаго и недостойнаго раба Своего: я грѣшенъ паче всякаго человѣка, спаси же меня туне— даромъ, одною благодатію Твоею! Ибо Ты — Богъ милостивый и человѣколюбивый, и Тебѣ возсылаемъ славу, и благодареніе, и купно съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и Пресвятымъ и благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣкѣ вѣковъ, аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ II.

(Вторникъ).

Увы мнѣ! въ какомъ позорномъ состояніи я нахожусь! въ какомъ стыдѣ пресмыкаюсь! Моя внутренность нисколько не соотвѣтствуетъ моей благовидной внѣшности; я бесѣдую о безстрастіи, умъ мой день и ночь занятъ страшными помыслами; веду рѣчь о чистотѣ, а самъ помышляю о непотребствѣ... Увы мнѣ, горе мнѣ! Какое истязаніе ожидаетъ меня на Судѣ? Да, по истинѣ сказать я только прикрылъ себя наружнымъ видомъ благочестія, а о внутренней силѣ его и не думаю. Съ какимъ же лицемъ осмѣливаюсь я приступать къ Господу Богу, знающему всѣ тайны сердца моего, когда я повиненъ столькимъ злодѣяніямъ? Предстоя на молитвѣ, я боюсь и трепещу, дабы не сошелъ съ неба огонь и не попалилъ меня, какъ нѣкогда онъ попалилъ въ пустынѣ принесшихъ огонь чуждый: *и исшедъ огнь отъ Господа сожже ихъ* (Лев. 10, 2). Чего же ожидать мнѣ, отягченному безмѣрною тяжестью грѣховъ моихъ?.. Окаменѣло сердце мое, извратилось мое доброе намѣреніе, помрачилась совѣсть моя, я уподобился псу, возвращающемуся на свою блевотину. Нѣтъ у меня болѣе дерзновенія къ Испытующему сердца и утробы, нѣтъ у меня и единственнаго помысла чистаго, нѣтъ у меня и одной слезы въ часъ молитвы... Если когда и воздохну изъ глубины души, сухо остается мое лицо, покрытое стыдомъ грѣховнымъ; ударяю ли себя въ грудь — она жилище страстей, рабочая храмина помысловъ злыхъ... Слава Тебѣ, Единое долготерпѣливе,— слава Тебѣ, благодѣтелю душъ и тѣлесъ нашихъ; о сколь велики щедроты Твоя на насъ грѣшныхъ, Господи! Не

тверги же меня съ тѣми, которые только устами взываютъ Тебѣ: Господи, Господи! но не творятъ воли Твоей, — не отринь меня ради молитвъ Пречистой Владычицы нашей Богородицы, ради молитвъ всѣхъ благоугодившихъ предъ Тобою!..

Тебѣ извѣстны, Господи, всѣ страсти, во мнѣ сокровенныя, Ты знаешь всѣ язвы души моей: исцѣли же меня, Господи, и я выздоровлю! Ибо если Ты не созиждешь дома душевнаго, то напрасно трудятся зиждущіи! Приди, когда я приготовляю себя на брань со страстями моими, но едва они приближатся ко мнѣ, какъ злая хитрость врага моего змія разслабляетъ сластолюбіемъ силы мои душевныя, и хотя никто тогда не понуждаетъ меня, однако же меня увлекаютъ страсти, какъ своего плѣнника. Я хочу спасти объятаго пламенемъ, но самый запахъ огня влечетъ юность мою въ тотъ же грѣховный огонь, я спѣшу спасти утопающаго, но по неопытности самъ утопаю вмѣстѣ съ нимъ; я подаю совѣты воздержанія больному, а самъ пребываю въ слѣпотѣ; хочу быть врачемъ страстныхъ недуговъ и, будучи самъ страстенъ, бываю плѣнникомъ страстей. Просвѣти же, Господи, очи сердца моего, дабы позналъ я множество страстей моихъ. Да распрострется надо мною покровъ благодати Твоей, Владыко! Да просвѣтитъ она мой помраченный умъ, да вселитъ она въ моемъ неразуміи разумѣніе Божественное, *ибо не останется* у Тебя *безсильнымъ никакое слово* (Лук. 1. 37).

Ты, Господи, и море непроходимое нѣкогда сдѣлалъ удобопроходнымъ для народа Твоего; Ты и изъ крѣпкой скалы источилъ имъ воду, когда они возжаждали; Ты же Единъ, по благости Твоей, спасъ человѣка, попавшаго въ разбойники. Умилосердись надо мною, Господи, ради великой благости Твоея! и я впалъ въ разбойники, и я скованъ узами злѣйшаго произвола, — нѣтъ никого, кто бы могъ исцѣлить болѣзнь мою душевную, кромѣ Тебя, Господи, вѣдущаго глубину сердца моего. Сколько разъ я, окаянный, полагалъ себѣ строгія правила, созидалъ стѣны между мною

и грѣхомъ боззаконнымъ, противовоюющими мнѣ супостатами; с
сколько разъ мой помыслъ преступалъ сіи правила, и прегра
распадались, ибо и самыя правила мои не имѣли твердаго основ
нія въ страхѣ Божіемъ, и стѣны эти не были основоположены
искреннемъ покаяніи. Кто же не восплачется обо мнѣ?.. Ра
малаго наслажденія забылъ я объ огнѣ неугасающемъ, — и возн
радѣлъ о вѣчномъ царствѣ Божіемъ, страстямъ поработилъ я оказ
ный высокое достоинство души моей,—*скотенъ былъ* и не мог
не смѣю воззрѣть къ милосердому Господу; былъ я нѣкогда укр
шенъ преизобильными дарами, а теперь возлюбилъ нищету страсте
сталъ чуждъ добродѣтелей, удалился, подобно блудному сыну,
страну злобы далекую и вотъ я — еле живъ, едва имѣю мали
остатокъ жизни... Оплакивайте, преподобные и праведные, мен
зачатаго во грѣхахъ и страстяхъ; оплакивайте, подвижники во
держанія, меня чревоугодника и сластолюбца; оплакивайте, Богом
помилованные и въ благоразуміи пожившіе, — меня помилованна
и опять прогнѣвавшаго Бога; оплакивайте, возлюбившіе доброе
возненавидѣвшіе злое и лукавое, — меня возлюбившаго лукавое
возненавидѣвшаго доброе; оплакивайте, добродѣтельное житіе пр
вождающіе, — меня по внѣшности добродѣтельнаго, а по дѣла
страстнаго и нерадиваго; оплакивайте, Божіи угодники, меня ч
ловѣкоугодника; оплакивайте, стяжавшіе совершенную любовь къ Бо
и ближнему,—меня на словахъ любящаго, а на дѣлѣ далеко о
любви отстоящаго, оплакивайте, стяжавшіе терпѣніе и въ терпѣн
плодъ добродѣтелей являющіе, меня нетерпѣливаго и безплодна
оплакивайте вы, непостыдно къ Богу приступающіе, оплакива
меня, не имѣющаго дерзновенія отъ стыда и на высоту небесн
воззрѣть; оплакивайте вы, стяжавшіе кротость, меня чуждаго э
добродѣтели; оплакивайте, милостивые, меня жестокосердаго; опл
кивайте, смиренномудрые, меня высокомѣрнаго и гордаго; оплак
вайте вы, нестяжательность апостольскую являющіе, меня до бе

мія къ земнымъ вещамъ пристрастившагося и этимъ пристрастіемъ угнетаемаго; оплакивайте, вѣрные и постоянные сердцемъ своимъ къ Богу, — меня двоедушнаго, непостояннаго, боязливаго и непотребнаго; оплакивайте, плачъ возлюбившіе и смѣхъ возненавидѣвшіе, меня смѣхъ возлюбившаго и плачъ возненавидѣвшаго; оплакивайте, всегда, грядущій по смерти судъ въ умѣ содержащіе, меня, утверждающаго, что помню это, но въ забвеніи всегда противное этому творящаго; оплакивайте, наслѣдники царства небеснаго, меня наслѣдника геенны огненной! Святые Божіи! Молитесь о душѣ страстьми обуреваемаго,—помогите мнѣ, чѣмъ можете, ибо я знаю, что если вы помолитесь Человѣколюбцу Богу, то все будетъ прощено намъ по множеству благости Его, и какъ самъ Богъ человѣколюбивъ, такъ и вы, умоляемые мною, грѣшнымъ, не презрите молитвъ грѣшника, ибо самъ я не имѣю дерзновенія по множеству грѣховъ моихъ,—ваше дѣло, Святые Божіи, молиться за грѣшныхъ, а Божіе дѣло — миловать отчаянныхъ. Молитесь же, Святые Божіи, Царю за плѣнника, молитесь Пастырю за овцу, молитесь самой Жизни за мертвеца, да ниспошлетъ Онъ свою благодать и утвердитъ непостоянство смиренной души моей... Къ щедротамъ благости Твоей припадаю, Владыко всѣхъ: пріими молитву грѣшнаго, услади душу, горечью грѣха томимую; напой жаждущаго отъ источника жизни и поставь меня на путь Твой; введи меня во врата царствія, какъ Владыка своего раба, да буду свободенъ отъ рабства страстямъ постыднымъ, ибо сердце мое опутано ими, какъ веригами желѣзными... Молитвами святыхъ Твоихъ да предварятъ меня щедроты Твои, пока не увлеченъ я во адъ вмѣстѣ съ дѣлающими беззаконіе: тогда-то откроется все тайно и явно содѣланное мною!.. Увы мнѣ! какой стыдъ объмлетъ меня, когда увидятъ меня осужденнымъ тѣ, которые теперь считаютъ меня праведнымъ;—оставилъ я, окаянный, дѣланіе духовное и весь поработился страстямъ! Горе тебѣ, душа моя! Зачѣмъ у тебя умственное солнце затмѣвается мглою страстей?

Почто жизнь побѣждается смертью? Отчего эта мгла не исчезает при появленіи лучей свѣта? Зачѣмъ мы тлѣніе предпочитаемъ не тлѣнію? Чего ради, душа моя, мы смѣшиваемъ себя съ земле чрезъ служеніе страстямъ? Осквернили мы одежду боготканную содѣлали ее негодной для царской вечери брачной, добровольн мы предали себя грѣхамъ, поработили себя врагу нашей жизни Что скажешь ты Судіи въ день тотъ страшный и ужасный? Мо жешь ли сказать: „я алкалъ ради Тебя, и жаждою томился, или возлюбилъ Тебя всею душою моею?“ Учитель нашъ и Господ постоянно взываетъ не переставая: кто облеченъ властію, прим узду послушанія Евангелію; кто находится подъ игомъ рабства возьми равноправіе предъ закономъ Моимъ; кто пребываетъ в нищетѣ — получи богатство некрадомое. Почто возлюбилъ ты н свободу, а утѣсненіе? Что выжидаешь времени, а не добраго по мысла? Зачѣмъ избираешь себѣ друга лукаваго, а не желанно спасеніе? Отчего не содѣйствуешь естественнымъ порывамъ свое души къ дому, пока есть время?.. Поспѣши же, пока и умъ тѣло не пришли въ совершенное изнеможеніе; пока не перешло к другимъ твое доброе, пока открытъ для тебя даръ благодатны и не подлежитъ сомнѣнію, а благодать касается самой глубин твоего сердца, пока есть у тебя слезы—проповѣдники смерти, — поспѣши мужественно противустать страстямъ, съ Божіею, во все оружіи Божіи, противоборствуй Голіаеу, дабы не предупредил тебя какой-либо разбойникъ, дабы не предвосхитилъ входа убійц дабы не затворилъ предъ тобою двери царствія Божія кто-либ изъ тѣхъ, которые силятся войти въ него и силою восхищают его... Убоимся же и будемъ всячески остерегаться, чтобы нам не оказаться лжецами въ обѣтахъ нашихъ; ибо, если Богъ, при зываемый во свидѣтели, утверждаетъ обѣщаніе, данное человѣку но тѣмъ болѣе опасно оказаться преступниками тѣхъ обѣтов которые даны нами Самому Богу, и явиться повинными не толь

въ иныхъ прегрѣшеніяхъ, но и въ самой лжи, и въ особенности тогда, какъ нѣтъ для насъ втораго рожденія и возстановленія въ прежнее состояніе. Безполезно миновать торжище и потомъ искать потребное для купли; поздно мириться съ соперникомъ при концѣ пути, и чувствовать потерю тогда, когда, по исходѣ изъ этой жизни, потерянное уже невозвратимо, когда заключаются роковыя двери для каждаго изъ пожившихъ... Какъ мытарь воздыхаю, какъ блудница проливаю слезы, какъ разбойникъ взываю, какъ блудный сынъ воплю къ Тебѣ, Человѣколюбче Христе, Спасе міра, Свѣтъ истинный! Подкрѣпи мою душу изнемогшую и разслабленную пьянствомъ страстей, исцѣли язвы ея, исправь совращеніе моего ума, омой Своею честною кровію мою душу, очерненную грѣхами! Нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія: по множеству милости Твоей обрати меня, Едине Человѣколюбче, избавь меня отъ всякой поблажки сластолюбію, чтобы въ конецъ не попалила меня пещь страстная,—погаси ее росою Твоей милости! Горе мнѣ грѣшнику! Ты даровалъ мнѣ просвѣщеніе разума, а я отметаю его,—горе мнѣ! Постоянно я изнемогалъ и изнемогаю, и всегда посѣщаетъ благодать Твоя и исцѣляетъ меня, а я вмѣсто благодарности и каждый часъ отвергалъ и отвергаю дарованіе исцѣленій ея! И сколь многими дарами надѣлялъ Ты меня грѣшнаго, Владыко Господи, да и нынѣ ниспосылаешь ихъ, а я, окаянный, все еще остаюсь сознательно неблагодарнымъ Тебѣ!.. Я постоянно вкушаю сладость благодати Твоей, всегда просвѣщаюсь ею, часто она поддерживаетъ меня, и въ то же время я постоянно отвращаюсь отъ нея, и снова обращаюсь къ прежней горечи моей грѣховной. Ты, Всеблагій, напоминаешь мнѣ смерть мою, вѣчное томленіе; Ты влечешь меня всегда къ жизни, дабы мнѣ спастись, а я все остаюсь въ зломъ настроеніи моемъ, и потому я безотвѣтенъ буду тамъ!.. Я толкусь въ двери Твоего милосердія, Господи, да отверзутся онѣ для меня; не перестаю умолять, да получу просимое; я дерзновенно, не-

отступно ищу помилованія. Буди долготерпѣливъ ко мнѣ, Вла
дыко мой; избави меня отъ обладающихъ мною грѣховъ, и полу
чивъ здравіе души, возстану я съ одра тлетворнаго грѣха. Осво
боди меня отъ всякаго пристрастія злаго, прежде, нежели постигнет
меня кончина, дабы обрѣлъ я благодать предъ Тобою въ час
смерти и разлученія души съ тѣломъ, ибо *во адѣ кто испо
вѣстся Тебѣ?* Убѣли одѣяніе мое, осквернённое грѣхомъ, прежд
нежели придетъ ко мнѣ страшное повелѣніе и застанетъ меня не
готовымъ и постыженнымъ. Избавь душу мою сокрушенную от
устъ львовыхъ и спаси ее Твоею благодатію и щедротами пре
чистой Владычицы нашей Богородицы и святыхъ Твоихъ, ибо Т
благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ III.

(Среда).

Любовь побуждаетъ меня обращаться къ Богу съ молитвою,
недостоинство мое повелѣваетъ мнѣ молчать; болѣзни понуждают
меня говорить, а грѣхи налагаютъ молчаніе на уста; болѣзнует
душа моя и очи мои ищутъ слезъ. Душа моя! ты согрѣшил
покайся, ибо вотъ—дни наши проходятъ, какъ тѣнь; скоро тебѣ
душа моя, предстоитъ пройти мѣста страшныя, исполненныя уж
совъ, не отлагай же со дня на день своего обращенія къ Господ
Подумай, душа моя, размысли въ умиленіи сердца, сколько бла
получила ты отъ Бога и не сохранила ихъ! Помысли о всем
что ты содѣлала грѣховнаго въ жизни своей, а Богъ все долг
терпѣлъ тебѣ, дабы не была ты предана тьмѣ кромѣшной
страшномъ судищи Христовѣ. Увы мнѣ грѣшному!.. Я осквернил
и доселѣ оскверняю чистоту сердца моего по немощи моей; м

нерадѣніе, моя лѣность, своеволіе сердца моего покрыли меня стыдомъ, а злое похотѣніе, какъ полновластный господинъ, повелѣваетъ мною, и я тотчасъ же исполняю его волю со страхомъ, какъ дитя; оно прельщаетъ меня, а я тому радуюсь... Увы мнѣ, Господи! Твоя благодать всегда влечетъ меня къ жизни, а я предпочитаю смерть; Ты желаешь и все направляешь къ тому, чтобы я былъ равночестный ангеламъ, а я, своею злобою все болѣе и болѣе унижаю себя! Умножились грѣхи мои, Господи, и постоянно умножаются, и не видно конца ихъ множеству, и кто былъ-бы въ состояніи оплакать меня, или умолить Бога за меня?.. Ты Самъ, о Спасе мой, преклоняемый твоего же благостію, воззри съ милосердіемъ на меня отчаяннаго! И какъ я сталъ бы умолять Тебя, Владыко мой, когда уста мои полны словъ непотребныхъ? Какъ я буду воспѣвать Тебя, когда совѣсть моя осквернена грѣхами? Какъ возлюблю Тебя, порабощенный страстями? Какъ можетъ обитать во мнѣ истина Твоя, когда я опозорилъ себя ложью, Или какъ я сталъ бы призывать Тебя въ молитвахъ моихъ: вѣдь я не сохранилъ Твоихъ заповѣдей!.. Несмотря на то, что я позналъ истину, все-же я дерзокъ, раздражителенъ, всѣхъ обижаю и ссорюсь изъ-за малости; я завистливъ и жестокъ къ живущимъ со мною, питаю себя злыми помыслами, бываю немилосердъ къ нищимъ, гнѣваюсь, противорѣчу, спорю, я упрямъ, лѣнивъ, люблю роскошь въ одеждѣ; и донынѣ еще много во мнѣ нечистыхъ помысловъ, вспышекъ самолюбія, чревоугодія, сластолюбія, тщеславія, гордыни, зложелательства, пересудовъ, тайноядѣнія, преслушанія, любопренія, поношенія ближнихъ; я—ничто, а думаю о себѣ много, самъ всегда лгу, а на лжецовъ негодую; самъ оскверняю свой храмъ тѣлесный блудными помыслами, а на блудниковъ произношу строгое осужденіе; постоянно осуждаю согрѣшающихъ, а между тѣмъ самъ исполненъ прегрѣшеній; я осуждаю вора и ругателя, будучи самъ не лучше ихъ; я выступаю съ достоинствомъ чистоты

и невиности, а самъ — весь въ нечистотѣ грѣховной, въ церкви и трапезѣ хочу занимать первое мѣсто, тогда какъ самъ достоинъ оплеванія. Когда я вижу монахинь, я превозношусь предъ ними: когда вижу иноковъ — величаюсь; я стараюсь казаться пріятнымъ для женщинъ, и благочестивымъ для богатыхъ, возношусь предъ своими, выказываю себя разсудительнымъ и благоразумнымъ, а передъ людьми благоразумными совершеннымъ мудрецомъ; съ благочестивыми обхожусь какъ опытный въ познаніи, а неразумныхъ презираю, какъ безсловесныхъ скотовъ; похулятъ ли меня—я пылаю мщеніемъ; окажутъ-ли мнѣ почесть и уваженіе — я презираю своихъ подчиненныхъ; когда требуютъ отъ меня справедливаго, я завожу тяжбу; кто говоритъ мнѣ правду, того я почитаю за врага и обидчика; а если меня обличаютъ, я гнѣваюсь; когда обходятся со мною не ласково, я обижаюсь; достойнаго предпочесть не хочу а самъ, будучи недостоинъ, ищу почести; самъ трудиться не хочу а если кто не желаетъ услужить мнѣ, на того я сержусь; я не хочу идти на тѣло общее съ трудящимися, а если кто не поможетъ мнѣ самому, того я злословлю и называю гордецомъ; если братъ находится въ нуждѣ, то я не хочу и знать его, а если онъ въ добромъ здравіи, то понуждаю его послужить мнѣ; я ненавижу немощнаго, а когда самъ бываю немощенъ, то требую себѣ любви и участія отъ другихъ; высшими я пренебрегаю, а низшихъ презираю... Если мнѣ придется удержать себя отъ неразумнаго пожеланія, то я также славлюсь этимъ; если преуспѣваю въ подвигѣ всенощнаго бдѣнія, впадаю въ сѣти непокорности и пререкословія; если воздержусь отъ пищи, утопаю въ кичливости и высокомѣріи; если сдержу себя на молитвѣ, побѣждаюсь гнѣвомъ и раздражительностью...

И въ какой-бы добродѣтели я ни стяжалъ преуспѣяніе, всегда превозношусь предъ моими братьями, презрѣлъ я всѣ мірскія удовольствія, а суетнаго пожеланія ихъ не оставляю; по наружности

я смиренномудръ, а въ душѣ высокомѣренъ, считаюсь человѣкомъ нестяжательнымъ, а на самомъ дѣлѣ умъ мой недуженъ любостяжаніемъ; и къ чему распространяться? Повидимому я отрекся отъ міра, а на дѣлѣ имѣю мудрованіе мірское; не говорю уже о безсмысленномъ выполненіи церковныхъ пѣснопѣній, о невнимательности, о самовольномъ промедленіи, о пустословіи въ собраніи братій, о блужденіи помысловъ, о суетныхъ воспоминаніяхъ, лицемѣрныхъ бесѣдахъ, алчности къ подаркамъ, объ участіи въ чужихъ грѣхахъ и погибельномъ соперничествѣ.

Вотъ—моя жизнь, вотъ зло, которымъ я гублю свое спасеніе, а гордость моя и тщеславіе не попускаютъ мнѣ видѣть язвы мои, дабы уврачевать себя. Вотъ—мои доблестные подвиги! Вотъ, какимъ множествомъ грѣховъ врагъ ополчается на меня, и обличаемый въ столькихъ беззаконіяхъ я, окаянный, домогаюсь прославиться святостію и, пребывая въ грѣхахъ, хочу, чтобы меня почитали за праведника; одно у меня на все это оправданіе, что меня діаволъ опуталъ; но и Адамъ не получилъ пользы отъ того, что сослался на жену. Знаю я, что онъ же научилъ и Каина убить брата своего, но вѣдь и Каинъ не избѣжалъ грознаго приговора.

И что мнѣ дѣлать, если посѣтитъ меня Господь? Нѣтъ у меня никакого оправданія въ моемъ нерадѣніи, боюсь, не принадлежу ли я къ числу тѣхъ сосудовъ гнѣва, о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ, которые подвергнутся одной участи съ діаволомъ, и которыхъ за ихъ нерадѣніе о спасеніи Богъ продастъ въ страсти безчестія,—страшусь, чтобы и мнѣ не подвергнуться такой же участи.

Господи! мнѣ грѣшному положилъ еси покаяніе, меня недостойнаго спасти хотя; оживотвори, Жизнодавче, умерщвленными грѣхами душу мою, умягчи окамененіе сердечное, просвѣти ослѣпленіе окаяннаго моего сердца и даруй мнѣ источникъ умиленія, Ты источившій намъ жизнь изъ живоносныхъ ребръ Твоихъ. Кто не

воздохнулъ бы, кто не сталъ бы оплакивать мое мнимое отреченіе отъ міра? Я еще не успѣлъ какъ должно отречься, а уже побѣжденъ гордостью; не успѣлъ вкусить постническаго подвига, а уже опутанъ тщеславіемъ; не увидѣлъ еще и преддверія подвижнической жизни, а уже мечтаю о томъ, что составляетъ внутреннее дѣланіе духовной жизни великихъ подвижниковъ! Я еще не имѣю опытнаго знанія добродѣтели, а уже берусь руководить брата, самъ еще не достигъ познанія истины, а уже другихъ предостерегаю отъ гордости.. Все даровалъ тебѣ всеблагій Богъ, душа моя! и разумъ и смыслъ и познаніе, и разсужденіе,—познай же, что для тебя полезно; какъ осмѣливаешься давать совѣты ближнему, когда сама ты омрачена грѣхомъ? уврачуй прежде себя, душа моя, если же не успѣла этого сдѣлать, то оплакивай свою слѣпоту: вѣдь нѣтъ для тебя никакого извиненія въ твоемъ нерадѣніи. Опомнись, бодрствуй, душа моя, вздохни, прослезись, облегчи воздержаніемъ и постомъ тяжкое бремя беззаконій твоихъ! Боже всевышній, Едине, имѣющій власть живота и смерти! яви на мнѣ грѣшномъ въ тотъ грозный часъ страшнаго Твоего пришествія многія щедроты Твои, дабы тамъ на страшномъ судѣ Твоемъ не быть мнѣ съ укоризною и великимъ стыдомъ предъ ангелами и архангелами, пророками и апостолами патріархами и мучениками, преподобными и всѣми праведными.

Лучше накажи меня, Спасе мой здѣсь, гдѣ я предаюсь грѣховнымъ наслажденіямъ, накажи, какъ милосердый и чадолюбивый отецъ, а тамъ прости мнѣ какъ Всемилостивый Богъ, ибо Ты единъ безгрѣшенъ. Всякій грѣхъ содѣланъ мною окаяннымъ, всѣхъ пре взошелъ я распутствомъ и повиненъ мукѣ вѣчной, а если бы и пожелалъ покаяться, то нѣтъ у меня слезъ. Горе мнѣ! какими очами я, презрѣнный и грѣшный лѣнивецъ, буду взирать на тотъ пре столъ Твой, на которомъ возсядешь Ты, Господи, и обличишь все сокровенное; блудно иждихъ все житіе мое окаянный; постоянно валялся я въ тинѣ страстей—Единъ Ты Создатель мой вѣдаешь

всѣ тайныя мои грѣхопаденія и темное облако грѣховъ моихъ! Никто еще не былъ такимъ жилищемъ грѣха, какъ я; никто еще такъ не прогнѣвалъ благость Твою, Владыко мой, какъ я, слѣдуя грѣховнымъ влеченіямъ.

Но такъ какъ Ты—пучина благости, то изсуши мрачныя пучины беззаконій моихъ;—Ты—милости бездна; потопи же бездну грѣховъ моихъ и не воздай мнѣ заслуженное по дѣламъ моимъ; не осуди меня въ пламень геенскій, ибо кто претерпитъ гнѣвъ Твой на насъ грѣшныхъ, Господи? Кто устоитъ противу прещенія Твоего? огнь нашъ не угаснетъ и червь не скончается... Убойся, душа моя, грядущаго прещенія; отряси тяжкій сонъ нерадѣнія и дремоту лютой безпечности! Конецъ близокъ, судъ при дверяхъ: что-то встрѣтитъ насъ по разлученіи съ жизнію, о душа моя!..

Придите на помощь мнѣ преподобные и праведные, всѣ добрымъ подвигомъ подвизавшіеся, и оплакивайте меня, какъ мертвеца, или же пожалѣйте обо мнѣ, хотя и живомъ, но почти уже умершемъ, ибо я исполненъ стыда и не имѣю дерзновенія предъ Богомъ по множеству грѣховъ моихъ, въ полномъ сознаніи мною содѣянныхъ. Излейте на меня милосердіе свое какъ на плѣнника, какъ на покрытаго ранами и гноемъ смердящимъ; смилуйтесь надо мною, какъ Милостиваго Бога и Спаса нашего таинники, и умолите Его, дабы самъ Онъ обратилъ меня на путь покаянія туне, т. е. безъ всякихъ заслугъ моихъ, дабы не явился я недостойнымъ помилованія въ страшный часъ пришествія Его, и да не услышу страшный тотъ приговоръ: „иди отъ Меня, дѣлатель беззаконія, сказываю тебѣ—Я не вѣдаю тебя!..“ О Свѣте истинный, Благословенный Сыне, Благословеннаго Отца, Образъ ипостаси Его, сѣдяй одесную величествія Его, Сыне Божій непостижимый, Христе Боже, испытуемый, похвала и радость всѣхъ ищущихъ Тебя, утѣшеніе и веселіе любящихъ Тя, жизнь моя, Свѣте мой, Христе мой! Умоляю Тебя, не презри меня презрѣннаго, не отрини меня мерзостнаго, не остави

меня осужденнаго, ибо много величается врагъ мой, когда я прихожу въ отчаяніе среди окружающей меня отовсюду грѣховной мглы; онъ только и радуется, когда видитъ меня въ плѣну отчаянія... Посрами же его надежды, явивъ на мнѣ Твое милосердіе, исторгни меня изъ его челюстей, и покрой меня отъ умышленій его лукавыхъ и отъ всякаго злаго дѣйствія его, какое бы онъ не воздвигалъ противу меня. Просвѣти меня, да не познаю козни самого супостата моего—добра ненавистника, ибо онъ безъ числа распростираетъ сѣти впереди меня; всякіе соблазны, препятствія, любостяжанія, высокое положеніе въ свѣтѣ, удовольствія плоти, продолжительность настоящей жизни, въ подвигѣ поста—робость, въ молитвѣ—лѣность, онъ прилагаетъ тщаніе къ моей погибели, настолько я, окаянный, предаюсь лѣности и нерадѣнію, и чѣмъ болѣе онъ разставляетъ мнѣ сѣтей, тѣмъ болѣе дѣлаюсь я безпечнымъ... Слушай, душа моя, позаботься о совѣсти, отнюдь не смотри на чужія погрѣшности, но лучше всего оплакивай свои преступленія, не обращай вниманія на сучекъ, находящійся въ глазу брата твоего и ближняго, но почаще взирай на свое бревно. Позаботься, поспѣши примириться со Христомъ, который за тебя плотію распялся, ибо если бы мы себя осуждали, то не были-бы осуждены тамъ, гдѣ произносится судъ строгій на вѣки!.. Пощади меня, Господи, ради милосердія Твоего, спаси меня ради единой благости Твоей, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ, ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ IV.

(Четвертокъ).

Вотъ, я снова припадаю къ стопамъ Владыки моего, снова прошу, умоляю, поклоняюсь и взываю со страхомъ, ибо знаю, что лучше для провинившагося раба не укрываться отъ своего господина и оставаться близъ него. Услыши, о Владыко, плачъ мой, пріими молитвы, приносимыя мною грѣшнымъ; излей на меня, окаяннаго, хотя малую каплю Твоего милосердія и просвѣти душу мою благодатію Твоею, дабы имѣть мнѣ хотя малый успѣхъ въ исправленіи самого себя; ибо если Твоя благодать не просвѣтитъ души моей, то я не въ состояніи буду признать пристрастіе и нерадѣніе, гнѣздящееся въ сердцѣ моемъ. Горе мнѣ! Возобладавшій мною грѣхъ предалъ меня, нашелъ во мнѣ обильную почву для себя, и каждый часъ убиваетъ, попираетъ и погружаетъ меня въ глубину золъ; а я, окаянный, не перестаю прогнѣвлять Бога, не страшусь огня того неугасающаго, не трепещу мукъ нескончаемыхъ, ибо грѣхъ, обратившись въ злой навыкъ, увлекаетъ меня въ совершенную погибель. Я обличаю самого себя, я не перестаю давать обѣщанія исправиться и все-таки остаюсь во грѣхахъ; я смотрю—и не вижу; я каюсь, и въ самомъ покаяніи погрѣшаю, ибо не углубляюсь въ различіе дѣлъ: я—рабъ грѣха, и дѣлаю злое, хотя и не желаю того, я—воинъ, поставленный подъ власть грѣха, я подчиняюсь ему, и хотя могъ-бы убѣжать отъ этого господина, но служу ему по злому обычаю, который царствуетъ во мнѣ.

Радѣя о страстяхъ, я несу оброки плоти; я знаю, что растлѣніе во мнѣ усиливается, а едва оно подаетъ мнѣ знакъ, я подчиняюсь ему, какъ рабъ, хочу будто бѣжать, но какъ песъ на желѣзной

цѣпи опять возвращаюсь къ своему повелителю. Я ненавижу грѣх
отвращаюсь отъ беззаконія, но все же это остаюсь въ рабствѣ
страстей; я побѣждаюсь, окаянный, сластію противъ воли; я слу
естеству по необходимости, а оно, подкупленное злымъ произволеніем
источаетъ на меня грѣхъ. Кипятъ во мнѣ страсти вопреки ему,
они сроднились съ плотію и не терпятъ разлученія. Я усиливаю
перемѣнить свое злое произволеніе, но предшествовавшій навы
никакъ не даетъ мнѣ успѣть въ этомъ. Понуждаю себя, бѣдны
освободить душу отъ долговъ; но злой заимодавецъ тутъ же вводи
меня еще въ большіе долги.

Онъ и не напоминаетъ объ уплатѣ; онъ щедро даетъ еще
еще, и даже вовсе не жалѣетъ брать обратно, желая только рабст
моего,—даетъ и не взыскиваетъ долга, дабы обогащался я страстям
Я хочу отдать ему старый долгъ, а онъ прибавляетъ новый. Ес
же дѣло хотя малое себѣ понужденіе вопреки влеченію страстей,
онъ, чтобы низложить меня, прилагаетъ новыя страсти, и вид
что постоянное пребываніе въ долгу заставляетъ меня какъ бы
неволѣ быть грѣшнымъ, вводитъ въ мое сердце новыя пожелані
а дабы я не исповѣдывался, тщится, чтобы я забылъ свои страс
и прегрѣшенія. Я дѣлаюсь участникомъ въ чужихъ грѣхахъ, и з
нятый ими, забываю свои; дружусь съ новыми страстями и сно
оказываюсь въ долгу; я спѣшу къ нимъ, какъ къ друзьямъ, а о
давая мнѣ въ долгъ, опять обходятся со мною, какъ властелин
и я, который не задолго предъ тѣмъ старался отвязаться отъ них
дѣлаюсь ихъ закрѣпощеннымъ рабомъ; я спѣшу разорвать ихъ уз
и запутываюсь въ новыхъ тенетахъ, спѣшу освободиться отъ эт
воинской повинности страстямъ, но получивъ отъ нихъ столько д
ровъ, оказываюсь невольно ихъ покорнымъ слугою...

О, какъ далеко простирается надо мною власть грѣховны
страстей! О, какъ велико господство злоковарнаго и льстиваго зм
Какъ обычно, онъ и торгуется, и задатокъ даетъ, только бы пр

дать умъ самому ,грѣху. Оно убѣждаетъ меня угождать плоти, подъ тѣмъ предлогомъ, что она нужна для служенія душѣ, и вотъ— я уже побѣжденъ сластолюбіемъ къ невоздержанію, а оно склоняетъ меня къ неумѣренному сну, и я лишаюсь вовсе услуги тѣла для души. Когда я молюсь, онъ внушаетъ мнѣ мысль о какомъ-нибудь ничтожномъ удовольствіи, и его, какъ бы мѣдною цѣпью держитъ мой слабый умъ, а когда онъ порывается бѣжать отъ нея, врагъ не ослабляетъ привязи. Такъ грѣхъ сторожитъ мой умъ, и запираетъ отъ меня двери познанія. Зорко наблюдаетъ онъ за умомъ, чтобы онъ не пришелъ какъ-нибудь въ сознаніе съ волею Божіей, и не возбранилъ продать плоть; для этого онъ совѣтуетъ пропускать безъ вниманія множество перепутанныхъ помысловъ, и завѣряетъ, что на судѣ и рѣчи не будетъ о такой милости, что невозможно даже и опознаться въ этихъ помыслахъ, и что всѣ они будутъ преданы забвенію.

Но я вижу мысленнымъ взоромъ моимъ своего обличителя и знаю, что мнѣ угрожаетъ вѣчное мученіе. Вотъ чѣмъ удерживаетъ меня, вотъ чѣмъ вяжетъ, продаетъ и покупаетъ меня грѣхъ; вотъ чѣмъ обольщаетъ онъ меня, льститъ мнѣ и подчиняетъ себѣ, какъ и Апостолъ сказалъ, что человѣкъ плотянъ, проданъ подъ грѣхъ. Грѣхъ, обитающій въ плоти моей, властвуетъ надъ умомъ, связываетъ душу чрезъ то, что даетъ жизнь плоти, и плотью побѣждаетъ душу. И если бы я захотѣлъ ослабить плоть, то грѣхъ этою самою плотью побѣждаетъ меня; онъ связываетъ душу мою, какъ овцу на закланіе, какъ птицу поднебесную, какъ сальнаго богатыря; онъ плотью же обсѣкаетъ у ней руки и ноги, и я уже не могу ни убѣжать, ни помочь себѣ.

Увы мнѣ! я уже мертвецъ, хотя и живу еще; я—слѣпецъ, хотя и смотрю глазами; я содѣлался псомъ, хотя я и человѣкъ; со мною, безразумнымъ твореніемъ, страсти мои обходятся, какъ съ неразумнымъ скотомъ!.. Пожалѣй же себя, душа моя! Поспѣши, пока ты не

осуждена еще, сдѣлай усиліе надъ собою, пока ты не разлучи
съ тѣломъ, чтобы не остаться намъ за дверьми вмѣстѣ съ неразумны
дѣвами, гдѣ для смертныхъ невозможно увидѣть жизнь или помысли
объ оправданіи; гдѣ нѣтъ борьбы, за которую достается или жизн
или смерть, и гдѣ нѣтъ плоти, ради которой постыжается врат
побѣждаемый ея помощью. Помилуй мя, Боже, по велицѣй милос
Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ, ибо если Ты помилуе
меня, я тотчасъ освобожусь при помощи Твоей отъ этой жалк
привязанности страстямъ; если помилуешь меня, жаждаю быть п
слушнымъ Твоею благости. Если сотворишь по множеству благос
Твоей, то избавишь меня отъ грѣха; если изольешь на меня бл
годать Свою, то я спасусь; вѣрую, что все это возможно Теб
и не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи. Знаю, что множество щедро
Твоихъ превосходитъ множество грѣховъ моихъ; знаю, что Ты м
ловалъ и милуешь всѣхъ обращающихся къ Тебѣ всѣмъ сердце
своимъ. Исповѣдую, что и я много разъ пользовался благодат
Твоею, но послѣ того отвергалъ ее и грѣшилъ, какъ не грѣши
никто другой.

Но Ты воскреситель мертвыхъ, воскреси и меня, грѣхо
умерщвленнаго! Ты исцѣлитель слѣпыхъ, просвѣти помраченныя о
сердца моего! Ты, избавившій Адама изъ устъ змѣевыхъ, извле
меня изъ тины беззаконій моихъ,—вѣдь и я—Твоя овца, но
своимъ злымъ хотѣніямъ сдѣлался пищею львовъ... Псомъ я ста
по грѣхамъ моимъ, но я буду сыномъ, когда благодать Твоя исцѣл
меня; отвержень я какъ прокаженный, но лишь только Ты в
хощешь, я очищуся.

Знаю я, что сознательно грѣшилъ я; но имѣю за себя мол
венниками святыхъ Твоихъ. Знаю, что превосхожу всякую м
грѣхами своими, но вѣдь и благость Твоя неодолима. Ты, да
шій преимущество мытарю, окажи эту милость и мнѣ, хотя я

знаюсь,—дѣлалъ еще болѣе худаго. Ты, Господи, помиловалъ Закхея, какъ достойнаго, а меня помилуй хотя недостойнаго.

Волкомъ былъ Павелъ, нѣкогда гонитель овецъ стада Твоего,—звѣремъ лютымъ былъ онъ, когда терзалъ агнцевъ Твоихъ, но и онъ содѣлался добрымъ пастыремъ по благодати Твоей, и онъ сталъ усердно пасти овецъ Твоихъ... Знаю, что онъ по невѣдѣнію грѣшилъ, и какъ невѣдавшій сподобился прощенія грѣховъ и великой благодати; но Ты, Господи, осуждая мой грѣхъ, содѣланный мною въ вѣдѣніи, помилуй меня по преизбыточествующей благодати Твоей., Увы мнѣ! увы мнѣ! стыжусь тѣхъ, которые теперь уважаютъ меня. боюсь, чтобы не быть постыженнымъ передъ ними тамъ за сокровенные грѣхи мои. Стыжусь родителей моихъ, чтобы они современемъ не осудили меня, обѣщавшаго жить не по мірскому. Хочу уподобиться вдовѣ евангельской, которая долго безпокоила судью и все ке достигла своей цѣли; хочу уподобиться передъ Тобою, Преблаимъ Владыкой моимъ, я дерзновенный,—неотвязному другу, чтобы обратилъ Ты душу мою, плѣненною грѣхами; тотъ просилъ хлѣба для утоленія голода, а я прошу душевнаго утѣшенія; онъ просилъ плотской пищи, а я прошу возбужденія души.

Святый и Всеблагій Боже! услышь голосъ мой и слезный плачъ мой! обрати меня, дабы принесъ я плоды покаянія. Ороси изсохшую совѣсть мою, обнови меня обветшавшаго грѣховными страстями, чтобы освободиться мнѣ отъ рабства ихъ; пріятно вздохнуть мнѣ воздухомъ свободы и въ радости, и въ веселіи прославить благость Твою. знаешь Ты, Владыко мой, что я дерзаю вѣщать это предъ Тобою отъ горестнаго изнуренія души моей; ибо знаю я, грѣшный, что милосердъ Ты, Господи, и хощешь, чтобы я измѣнился и исправился;—Ты только ждешь плода моего произволенія; Ты готовъ помиловать меня, но ожидаешь моего добраго расположенія, ибо, милуя, хочешь Ты научить меня добру, и прощая, желаешь сдѣлать меня причастникомъ царствія Твоего небеснаго.

Горе безчувствію моему, горе моему окаянству! О, грубая, оз
мленившаяся душа! О, развращенное сердце! О, уста, исполненны
горечи, и гортань — гробъ отверстый! Почто не помнишь ты, дуг
моя, неизбѣжный путь разлученія твоего? Почему не готовишься
этотъ путь-дорогу? Зачѣмъ безъ жалости къ себѣ готовишь сво
погибель? Изъ-за чего навлекаешь на себя осужденія вѣчны
мученій? Что ты дѣлаешь, душа моя, живая, какъ несмыслен
животное?.. Увы мнѣ! Какъ это я вмѣсто жизни предпочит
смерть? Какъ удовольствіе, которое сегодня у меня есть, а завт
его не будетъ, я ставлю выше вѣчныхъ и неизреченныхъ благъ
Увы мнѣ! Какъ это я, вмѣсто солнечнолучезарной *той* ризы
глашаюсь надѣть на себя одежду мрачную и темную? Какъ мра
ное адское жилище я предпочитаю царству небесному? Увы мнѣ грѣ
ному! Я добровольно, сознательно уязвляю и гублю самъ себя!..

Пріиди же, наконецъ, въ себя, о душа моя? Убойся Бога, уго
дай Ему во всѣхъ добродѣтеляхъ, дабы не воспріять отъ Не
сугубо за свои согрѣшенія! Возлюби своего Господа, иди по пу
Его заповѣдей съ мужествомъ! Пойми, душа моя, что этотъ вѣ
подобенъ поприщу, и змій крѣпкій усиливается надъ всѣми одержа
побѣду! И одними онъ низлагается и попирается, другихъ са
низлагаетъ и предаетъ поруганію; одни бываютъ побѣждаемы пр
лестію его, — другіе, вступая съ нимъ въ борьбу, получаютъ вѣнец
одни черезъ горечь его получаютъ наслажденія вѣчнаго блаженств
другіе черезъ сладость его обрѣтаютъ горечь вѣчнаго мученія. Одн
крайнимъ нестяжаніемъ и безпристрастіемъ къ тлѣннымъ вещам
легко побѣждаютъ его, а другихъ, за ихъ прилѣпленіе къ земно
легко побѣждаетъ онъ.

Для любящихъ Бога всею душою его нападеніе ничего не значи
а для любящихъ міръ оно трудно и нестерпимо. Пойми же, ду
моя окаянная, что радости вѣка сего, его наслажденія и утѣ
полны печалей и горестей, а скорби, лишенія и злострада

отовятъ неизреченную радость и вѣчную жизнь. Обратись же, душа оя, воспріими подвигъ въ безмолвіи разъ навсегда, чтобы, когда астанетъ часъ смерти и разлученія, ты не оказалась не готовою. Іодумай, душа моя, вѣдь тебя призываетъ Самъ Богъ, а ты живешь такъ нерадиво; изъ-за чего же и доколѣ ты будешь скорбѣть воздыхать, о душа моя! Вѣдь ты свободна!..

РАЗМЫШЛЕНІЕ V.

(Пятница).

Душа скорбная приходитъ къ Тебѣ, Святый Владыко; она со лезами жалуется Тебѣ на врага-губителя, и со смиреніемъ припаетъ къ стопамъ Твоимъ, умоляя Тебя защитить ее отъ супоата, который не даетъ ей покоя. Она дерзновенно притекаетъ ъ Тебѣ: услышь ее скоро, и прибѣгающую къ Тебѣ съ любовію осѣти милосердіемъ. Если Ты отринешь ее въ скорби, то она огибла; если замедлишь услышать ея тугу сердечную, она въ ничто братилась. Но если по щедротамъ Твоимъ, посѣтишь ее, она житъ; если призришь на нее благосердымъ окомъ Твоимъ, она асается, если услышишь вопль ея, она получаетъ силу... Не езри ее, чтобы не возмнилъ врагъ, что Ты далъ ей письмо разодное, и отослалъ отъ себя прочь; забудь мои досажденія, которыми я оскорблялъ благодать Твою, о Всемилостивый Владыко мой! Не сотвори со мною по дѣламъ моимъ, но даруй мнѣ грѣшному отя малое время для истиннаго покаянія, о Всеблагій Человѣколюбецъ! Отъ юности моей благодать Твоя терпѣла многому мно-

жеству беззаконій моихъ; да потерпитъ и нынѣ мое отступлені раздраженіе, наглость... Знаю, Господи, самимъ Собою клялся Т что не хочешь смерти грѣшника, но по щедротамъ Твоимъ ж лаешь паче спасти его отъ грѣховъ, какіе онъ творитъ...

И благость Твоя, Владыко Душелюбче, всегда преизобилуе милосердіемъ и щедротами; она милуетъ и спасаетъ любящихъ Теб она часто посѣщаетъ и мое сердце, и когда находитъ въ не тишину, то входитъ въ него и обитаетъ въ немъ, а если находи его нечистымъ, тотчасъ удаляется отъ него; но щедроты Твои сно понуждаютъ ее придти, посѣтить меня недостойнаго; а я, окаянн все такъ же непостояненъ и измѣнчивъ по собственному произво а не по естеству.

Я всегда слабъ, всегда лѣнивъ, всегда завистливъ и лукавъ; нерадѣнію я не обращаю вниманія на свой умъ, а врагъ по зуется этимъ и всѣваетъ въ него злые помыслы, представляетъ блудныя дѣла... Онъ услаждаетъ мой умъ, и оскверняетъ душу я часто снова обрѣтаю себя повиннымъ въ прежнихъ моихъ б законіяхъ и валяюсь, какъ въ болотѣ, въ скверныхъ помысла Приходитъ благодать Твоя къ сердцу моему, находитъ тамъ з воніе скверныхъ помысловъ, и тотчасъ же отвращается, не нах себѣ открытаго входа и не имѣя возможности войти и вселит во мнѣ, какъ-бы желательно ей. Однако же она все-таки уязвля сердце мое дивною сладостью, дабы я восчувствовалъ, что во она посѣтила меня и не нашла себѣ входа, дабы по крайней м усладившись ею, я сталъ искать ее...

И я знаю, что побуждаемая Твоимъ милосердіемъ, чтобы миловать меня, она не удаляется отъ меня на всегда! — О, ск велика благодать и человѣколюбіе Божіе! Какъ онъ желаетъ и буждаетъ всѣхъ людей, чтобы спаслись!.. Пощади, Господи, потребнаго раба Твоего; пощади, Милосердый Спасе, созданіе Т если Ты, Господи, не образумишь меня окаяннаго, если Ты

дашь мнѣ просвѣщенія сердечнаго, то я, по ожесточенію моему, не смогу самъ увидѣть свою безпечность и разслабленіе. Неустанно стужаетъ мнѣ злобный врагъ мой, постоянно онъ угнетаетъ меня; а потому и я денно и нощно вопію къ Твоей благости: избавь меня отъ сѣтей его, — онъ ежечасно возобновляетъ противу меня козни свои, ежечасно тревожитъ душу мою блудными помыслами и вожделѣніемъ наслажденій. Сила Твоя, о Христе мой! запретившая нѣкогда волнамъ и бури морской, да запретитъ и ему, да изчезнетъ онъ отъ меня, непотребнаго раба Твоего, вѣдь онъ тщится овладѣть моими помыслами, чтобы отвлечь ихъ отъ сладости и добраго поученія во святыхъ Твоихъ заповѣдяхъ. Ниспошли, о Владыко мой, благодать Твою вскорѣ, да отженетъ она отъ раба Твоего змія великаго, со всѣми скверными и лукавыми его помыслами, потому что язвы отъ стрѣлъ его уже загноились на сердцѣ моемъ, а я, страстный, всячески стараюсь прикрыть ихъ отъ людей... Горе мнѣ! Всеблагій врачъ не требуетъ съ меня платы за исцѣленіе, но лѣность моя не позволяетъ мнѣ идти къ Нему. Онъ самъ приходитъ уврачевать меня, и застаетъ меня въ то время, когда я вкушаю пищу, вредящую язвамъ моимъ... Онъ уговариваетъ меня бросить эту пищу, но сладость ея льститъ моему сердцу: я и вкушаю, и каюсь въ томъ, но такое раскаяніе мое не есть покаяніе истинное!.. О Ты всѣхъ исцѣленій податель и всякихъ щедротъ Отецъ! Ты — Единъ Богъ благій и милосердый, Ты — Единъ даруешь всегда даянія благая просящимъ у Тебя? Я и самъ часто на себѣ видѣлъ опытъ безчисленныхъ исцѣленій и даяній благихъ, которыя Ты ниспосылаешь мнѣ со дня на день... Безпредѣльна благодать исцѣленій Твоихъ, Владыко мой! всякому приходящему она подаетъ цѣльбу, и мои язвы часто исцѣляются твоими щедротами, но по нерадѣнію моему они снова начинаютъ гноиться... Вотъ почему я усердновенно умоляю благость Твою, Христе Боже незлобиве, да снидетъ на меня обычно благодать Твоя, да не соберетъ она мои

разсѣянные помыслы, да исцѣлитъ снова мои сокровенныя язвы... Ты, долготерпѣливый, всегда исцѣляющій благодатію и щедротами,— Ты исцѣляешь по милосердію Своему частые недуги души моей грѣшной, но я не могъ отплатить Тебѣ, Владыко мой, за Твои цѣльбы, ибо эти цѣльбы, и дары благости Твоей чѣмъ могут быть оцѣнены? Ни земля, ни небо не могутъ быть цѣною, достой ною Твоего врачевства и Твоихъ дарованій, и эти созданія рук Твоихъ ничтожны предъ Тобою, но Ты подаешь блага Свои з слезы, Ты даруешь ихъ всѣмъ и каждому — за горькій плачъ грѣхахъ!.. О, слезы! какъ велика ваша сила! Даруй, Господи мнѣ недостойному рабу Твоему всегда имѣть слезы, даруй мнѣ про свѣщеніе и крѣпость, да просвѣтится сердце мое чистою молитвою да будетъ оно источать непрестанно потоки слезные съ умиленіемъ чтобы малыми слезами моими загладилось пространное рукописан грѣховъ моихъ, дабы малымъ плачемъ моимъ былъ угашенъ огонь уготованный мнѣ...

Я знаю, что если здѣсь буду плакать, то тамъ избавлюсь отъ вѣчнаго и неугасимаго... Вотъ, отовсюду собираю я помыслы мои но никакъ еще не освободился отъ дѣйствія на меня духовъ злыхъ которые будутъ задерживать меня на воздушномъ пути за эти п мысли; еще не позналъ я всей тяжести множества грѣховъ моихъ все еще не освободился я отъ осужденія геенны огненной; то, ч влечетъ меня въ эту геенну, еще приноситъ плоды во мнѣ, и дѣ ея живутъ въ моемъ сердцѣ, погружая меня въ оную,—они при носятъ плоды въ плоти моей! Долго-ли мнѣ окаянному упивать безъ вина и жить въ таковомъ нерадѣніи? Горе мнѣ! Тайны голосъ звучитъ въ ушахъ моихъ: „тебѣ предстоитъ мука!“

Знаю я, Господи, что тяжки предъ тобою грѣхи мои, созна и то, что помилованный Тобою я прогнѣвляю Тебя, и ежечас раздражаю долготерпѣніе Твое; предъ глазами у меня — зло мо не забвенно и то, что Ты все долготерпишь мнѣ по великой бл

гости Твоей. Даруй же мнѣ, Господи, врачевство обращенія, дабы исцѣлиться мнѣ отъ сокровенныхъ язвъ моихъ. Сподоби меня вступить во святой подвигъ воздержанія, даруй мнѣ въ сердечномъ сокрушеніи проводить всѣ дни жизни моей. Просвѣти омраченныя очи ума моего, и не допусти взору души моей помрачиться отъ лести вражіей. Укрѣпи меня, чтобы хотя одну седмицу съ успѣхомъ потрудиться въ виноградникѣ Твоемъ, ибо оскудѣло время жизни моей, оно прошло въ суетѣ и срамныхъ помыслахъ — настaлъ единодесятый часъ житія моего суетнаго! Управь-же, Господи, ладью купли моей и даруй мнѣ, плохому купцу, разумѣніе какъ вести мнѣ куплю свою, пока есть еще у меня время.

Ибо вотъ—близокъ конецъ плаванію ладьи моей, настала лютая зима и пора выходить на берегъ; „иди, показывай, лѣнивецъ, все, что пріобрѣлъ ты куплею за лѣто жизни твоей.“ И часъ смертный страшитъ меня окаяннаго, ибо вотъ, предъ очами моими часъ разлученія, и я крайне убоялся, увидѣвъ нищету свою... Вмѣсто того, чтобы порадоваться, я еще болѣе устрашился, ибо не содѣлалъ дѣяній, достойныхъ полученной отъ Бога благодати!..

Страшно, по истинѣ страшно, душа моя, приближеніе смерти, — страшно — оно людямъ страстнымъ, грѣшнымъ, слабымъ, которые не заботятся жить непорочно въ семъ суетномъ мірѣ... Дѣлатели и совершенные подвижники радуются въ часъ разлученія, имѣя у себя предъ очами великій трудъ подвижничества своего, своихъ бдѣній, постовъ, поклоновъ, молитвъ, слезъ и вретищъ; ликуютъ души ихъ, ибо призываются онѣ изъ тѣла своего войти въ покой. Но велика печаль для грѣшника въ часъ разлученія съ этою жизнью, когда видитъ она предъ очами у себя только нерадѣніе, невоздержаніе, слабость, пристрастіе къ стяжанію многихъ вещей; и не позволяютъ ему ничего сказать въ свое оправданіе, ибо безпощадно смерть дѣлаетъ свое дѣло... О какое раскаяніе объемлетъ тогда сердце человѣка, нерадѣвшаго здѣсь о

своемъ спасеніи! Какія пытки для души его! Увы мнѣ! увы мнѣ! о душа моя! Что ты не радишь о жизни своей? Что такъ легкомысленно проводишь дни свои? Внезапно придетъ къ тебѣ приказъ идти туда, откуда никто не приходитъ, — что же будешь дѣлать тамъ предъ судилищемъ страшнаго Судіи, когда ты столь нерадива пребываешь здѣсь? Какъ это врагъ окрадываетъ тебя, а ты не разумѣешь этого, о несчастная!

Какъ это врагъ похищаетъ у тебя небесное богатство, а ты и не знаешь о томъ, о неразумная! Помилуй меня, Долготерпѣливый Спасе мой; даруй мнѣ, Сыне Божій, Безгрѣшный Христе, непрестанное размышленіе о будущей жизни, чтобы никогда ничего не имѣть мнѣ въ сердцѣ моемъ, кромѣ этого поученія; чтобы всегда исполняя Твои хотѣнія, при содѣйствіи мнѣ грѣшному отъ благодати Твоей, съ любовію шествовать путемъ святыхъ велѣній Твоихъ, дабы совершить добрую куплю на серебро, которое Ты Самъ вручилъ мнѣ, о Царь мой Небесный! — И какъ я предстану, многонемощный, предъ страшное судище Твое? Какъ я нетерпѣливый и лишенный добрыхъ плодовъ окажусь среди совершенныхъ, принесшихъ Тебѣ здѣсь плоды праведности? По какому образу жизни признаютъ меня, когда святые узнаютъ другъ друга въ чертогахъ небесныхъ по дѣламъ своимъ? Преподобные и праведные обрящутся въ чертогахъ, а грѣшные и нечестивые въ огнѣ геенны...

О, душа моя неразумная! О душа моя безчувственная! Ты всегда ненавидишь собственную жизнь свою! Долго ли тобою будутъ руководить земныя попеченія? Долго ли будетъ увлекать гибельный навыкъ лукавыхъ помысловъ? Или ты не понимаешь, что лукавые помыслы окружаютъ тебя подобно облаку темному, чтобы ты не имѣла свободнаго времени обратиться съ молитвою къ Богу? Или ты полагаешь въ своемъ нерадѣніи, что замедлитъ придти Небесный Женихъ?... Нѣтъ! подобно молніи будетъ пришествіе Его! Бодрствуй, о душа моя, въ часъ брани, съ умиленіемъ и слезами

умилостивляй Бога, взывай къ Нему съ болѣзнію сердечною, и Онъ не умедлитъ послать тебѣ на помощь добраго Ангела и избавитъ тебя отъ самаго нападенія и смущенія вражія. Очисти же, Господи, меня грѣшнаго и прости мнѣ грѣхи мои, обрати меня, пока не пришло страшное повелѣніе и не застало меня не готовымъ и постыженнымъ, молитвами Пречистыя нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ, ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ VI.

(Суббота, утромъ).

Вотъ и теперь, и въ сегодняшній день, съ лицемъ постыженнымъ и долу поникшимъ дерзаю вѣщать къ Тебѣ, Владыка Ангеловъ и Создатель всего міра, а между тѣмъ вѣдь я только земля и пепелъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей, я — воистину только червь, а не человѣкъ, — весь покрытый позоромъ, полный скорби и унынія! Какъ подниму взоры ко благости Твоей, о Владыко! Съ какимъ расположеніемъ сердца? Съ какою совѣстію? Какъ осмѣлюсь я подвигнуть свой нечистый и оскверненный языкъ? Съ чего начну мою исповѣдь? — Выше мѣры оскорбилъ я, окаянный, Имя Твое; хуже блуднаго сына жилъ я блудно; я осквернилъ въ себѣ образъ Твой и содѣлалъ его непотребнымъ, я не послушалъ голоса повелѣній Твоихъ... Какихъ грѣховъ прощенія буду прежде просить окаянный: тѣхъ ли, которые совершалъ я сознательно, и которые не заслуживаютъ прощенія, или тѣхъ, которыми я преступилъ святыя заповѣди Твои, или же тѣхъ, въ которыхъ

я слагался съ злыми помыслами? Вѣдаю, Господи, что по множ
ству душевныхъ скверпъ моихъ и по нечистотѣ моей я недостоин
именоваться святымъ именемъ Своимъ, не могу стать на молитв
предъ Тобою, не могу воззрѣть и видѣть высоту небесную, ибо
самъ отверзъ двери непотребнымъ похотѣніямъ, я самъ поработил
себя необузданнымъ и безчиннымъ порывамъ страстей, осквернил
страстями бѣдную душу свою, поглощенъ былъ благомъ горьких
наслажденій чувственныхъ, и злымъ произволомъ очернилъ одѣяні
души моей.

Весь умъ мой наполненъ бѣсовскими помыслами; всѣми дѣлами
словами и помышленьями своими я преогорчилъ и донынѣ преогор
чеваю благость Твою, а врага своего, который ведетъ брань про
тиву меня, я привлекаю къ себѣ и угождаю ему... Совѣсть мо
обличаетъ—умъ мой; стыдомъ покрываю лицо свое въ моемъ соб
ственномъ сознаніи; осуждаю самъ себя прежде ожидающаго мен
суда праведнаго; есть обличитель у меня—это мое собственное не
воздержаніе, ибо я постоянно погрязаю въ тинѣ чревоугодія; ест
свидѣтель противу меня—это злонравное житіе мое, ибо я всегд
омрачаю себя чувственными утѣхами; есть посрамляющій меня—
это нагота души моей, ибо я непрестанно погружаюсь въ зловонi
страстей, непрестанно оскверняю себя гнусными помыслами... С
самаго дѣтства я содѣлался сосудомъ тлетворнаго грѣха, да и те
перь ежечасно слыша о судѣ и воздаяніи, не имѣю желанія, окаян
ный, воспротивиться плотскимъ похотѣніямъ, воюющимъ на душ
мою, но постоянно согрѣшаю вполнѣ сознательно, страстный; по
стоянно поддаюсь самообольщенію, дѣлаюсь плѣнникомъ грѣха i
покрываюсь позоромъ; а потому и бываю нищъ, лишенъ образ
Твоего и пустъ благодати Твоей, Господи! Увы мнѣ, Господи
худо воспользовался я долготерпѣніемъ Твоимъ,

Увы мнѣ, многіе годы оскорблялъ я Духа Твоего Святаго! Уве
мнѣ, время жизни моей протекло во всякой суетѣ!.. Но Ты, Гос

поди, не обличи меня во гнѣвѣ Твоемъ, и ненавистныхъ срамныхъ дѣлъ моихъ не выставляй на всемірное позорище предъ всѣми ангелами и человѣками къ моему стыду и осужденію вѣчному, хотя я и вполнѣ достоинъ всякаго стыда и осужденія! Какъ буду я оплакивать ослѣпленіе души своей? Какъ буду оплакивать погибельное невѣдѣніе себя самаго и свою жестокую безчувственность? Какъ я оплачу страстное и нераскаянное произволеніе свое?

Вотъ подвижники успокоиваются, утѣшаемые Духомъ Святымъ; а я смущаюсь, размышляя о нищетѣ своей, которая происходитъ отъ моего же нерадѣнія: вотъ веселятся они, ибо Духъ Божій открываетъ имъ недовѣдомыя тайны, а я стыдомъ покрываюся, ибо чуждъ сталъ всякой добродѣтели; вотъ радуются они, взирая на уготовленное имъ сокровище воздаянія, а я горько плачу, ибо приложился скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ... Нагъ сталъ я, окаянный, по лѣности своей, ибо совсѣмъ отсталъ отъ молитвеннаго бдѣнія. Призри на меня, Владыко, милостію съ высоты Святыя Твоея! Воззри на неисправность души моей страстной, и ими же Самъ вѣси судьбами помилуй и исправь меня.

Какъ бы предстоя святому престолу славы Твоей, какъ бы касаясь пречистыхъ ногъ Твоихъ, такъ умоляю Тебя и въ умиленіи прошу съ сокрушеннымъ сердцемъ: помилуй меня, Милостиве, помилуй созданіе Твое, обрати меня туне благодатію Твоею! Знаю, что Ты все можешь, и нѣтъ ничего невозможнаго для Тебя; не ожидай растлѣннаго моего произволенія, ибо нѣтъ у меня усердія, чтобы исправить себя! —Восплачь о мнѣ всякое естество видимое и невидимое, восплачь о мнѣ, состарѣвшемся во грѣхахъ и страстяхъ! Плачьте о мнѣ, который повидимому кажуся, быть можетъ, цѣломудреннымъ, а внутренно всегда услаждаюся нечистыми помыслами! О, душа моя окаянная! Близко твое разлученіе отъ тѣла,—зачѣмъ же ты ищешь утѣшенія въ томъ, что нынѣ же, быть можетъ, придется оставить, и чего потомъ уже никогда не увидишь?

Подумай, что и такъ ты содѣлала? Съ кѣмъ ты разстратила время дѣланія и пріобрѣтенія? Кого ты возвеселила своимъ подвигомъ, чтобы вышелъ онъ во срѣтеніе тебѣ, когда настанетъ часъ исхода твоего отъ тѣла? Кому ты угодила на жизненномъ позорищѣ, чтобы потомъ почить отъ трудовъ подъ кровомъ его? Ради кого ты трудилась, или понуждала себя въ часъ бдѣнія молитвеннаго, дабы встрѣтить его съ радостью? Какого друга стяжала ты, чтобы онъ поддержалъ тебя? На чьемъ полѣ работала ты, и кто будетъ платить тебѣ за трудъ? Опомнись, окаянная душа моя, чтобы не встрѣтить тебѣ въ часъ кончины печаль и воздыханіе, чтобы потомъ не плакаться безъ надежды во вѣки вѣковъ!

Все тогда припомнится тебѣ, и ты въ слезахъ и въ горькихъ рыданіяхъ скажешь сама себѣ: „вѣдь все это ежечасно тревожило совѣсть мою, а я и не заботилась о своемъ спасеніи!“ Виждь, о Владыко Христе Спасителю! источники слезъ моихъ, виждь сокрушенныя воздыханія недостойной души моей,— да пріидетъ на меня великая милость Твоя, прежде чѣмъ постигнетъ меня повелѣніе Твое грозное и застанетъ меня не готовымъ и постыженнымъ. Пошли мнѣ крѣпость паче слабой силы моей, да обращуся къ Тебѣ и поживу въ преподобіи, по святой волѣ Твоей! Освяти сердце мое, сдѣлавшееся вертепомъ и жилищемъ бѣсовъ, да святится на мнѣ страшное и Пресвятое Имя Твое!

Было время, когда не было меня на землѣ, и благоугодно было Тебѣ, Владыко мой, по многимъ щедротамъ Твоимъ, создать меня во чревѣ матери моей, и родившись по Твоей милости, я сподобился быть сосудомъ благодати Твоей; и даровалъ Ты мнѣ просвѣщеніе разума духовнаго; а я гордый и грѣшный, отвергся и нынѣ отвергаюсь даровъ благодати Твоей; какого же, послѣ этого, прощенія заслуживаю я, окаянный? Нѣтъ! я недостоинъ, Господи, и прощенія просить себѣ, ибо нѣтъ у меня истиннаго покаянія и дѣлался лжецомъ, много разъ Ты миловалъ меня, а я развращался; много

разъ Ты наставлялъ меня, а я снова падалъ самохотно!—Посему самъ на себя произношу я приговоръ и признаю, что достоинъ я всякаго наказанія и мученія. Сколько разъ я преисполнялся утѣшеніемъ благодати Твоей, Человѣколюбче, и сіялъ радостію, и снова всегда прогнѣвлялъ Тебя! Сколько разъ была на мнѣ благодать Твоя, и ты насыщалъ меня алчущаго и прохлаждалъ жажду мою! Сколько разъ просвѣщалъ Ты омраченный умъ мой и собиралъ мои помыслы, расточенные прелестью вражею! Сколько разъ восполнялъ Ты нищету мою, очищалъ меня отъ гнилости душевной, а я постоянно пренебрегаю благодатію Твоей! Весь прихожу въ трепетъ, помышляя объ этомъ, весь погружаюсь въ глубину недоумѣнія,— ищу и не нахожу достаточнаго оправданія, окаянный! Сколько разъ, о Владыко мой! благодать Твоя была для меня путемъ жизни, и просвѣщеніемъ, и радостію несказанною,— сколько разъ была она въ сердцѣ раба Твоего мудростію и силою, красотою неизреченною, высотою и славою,— пищею сладчайшею меда во устахъ раба Твоего! Какъ я перечислю всѣ дары благодати Твоей, Господи, какіе получилъ я, жалкій, но обращалъ и обращаю въ ничто своимъ нерадѣніемъ!

Повиненъ я за это мукамъ безчисленнымъ, ибо Ты преисполнялъ меня грѣшнаго дарами безъ числа, а я, окаянный, воздаю Тебѣ лишь тѣмъ, что противно Тебѣ! Но Ты, Господи, по естеству имущій причину долготерпѣнія и бездну милосердія, не дозволяй посѣчь меня, какъ безплодную смоковницу, не спѣши, пожать меня на полѣ жизни еще созрѣвшаго; не восхищай меня неготоваго, не бери меня не возжегшаго еще свѣтильника, не зови еще не имѣющаго у себя брачнаго одѣянія; но помилуй меня, какъ благій и Человѣколюбивый, дай мнѣ еще и *сіе лѣто* на покаяніе, и предъ страшнымъ неподкупнымъ судищемъ Твоимъ не поставь душу мою обнаженною, какъ жалкое позорище безславія; но человѣколюбиво умилосердись, Господи, надо мною, нищимъ душою, обнаженнымъ,

жалкимъ, немощнымъ, нерадивымъ, нечистымъ, блуднымъ, лѣнивым ослѣпленнымъ, утопающимъ во грѣхахъ, постыженнымъ и не им щимъ дерзновенія, безотвѣтнымъ предъ Тобою, осужденнымъ и д стойнымъ всякой муки и томленія. Если праведный едва спасает то гдѣ явлюсь я, нечестивый и грѣшный? Если узокъ и тѣсе путь, вводящій въ жизнь, то какъ я, сластолюбивый и страстны получу спасеніе? Если и достойные многими скорбями достигаю наслѣдія царствія небеснаго, то гдѣ будетъ жребій для меня, ж вущаго безъ трудовъ и печалей, и всегда ищущаго одного ли покоя?

Увы мнѣ, душа моя страстная! Такъ скоро проходитъ на жизнь, такъ кратка она, такъ быстро течетъ время, приближа щее къ смерти! Какъ будешь отвѣчать ты, согрѣшая въ сознані Какъ мы съ тобою снесемъ обличенія? Какой страхъ овладѣе нами, когда услышимъ оный грозный и плача исполненный при воръ: „не знаю васъ?“ Умоляю всѣхъ васъ, Святые Божіи, м литесь за меня къ Богу Всевышнему, да обратитъ Онъ душу мо страстями безчестія ко аду приближившуюся; да возсіяетъ въ н святою благодатію Своею и просвѣтитъ мой омраченный умъ; буду ко благому усерденъ достоинъ покаянія силою святыхъ м шихъ молитвъ.

Ты, Господи, Спасителю мой, Сыне истиннаго Бога нашего, Т какъ Самъ знаешь и какъ Самъ хочешь, по единой благости Твое туне обрати меня отъ пребывающаго во мнѣ грѣха, спаси отъ п гибели и вложи въ душу мою красоты добродѣтели, угасивъ н ней огнь отчаянія. Къ милосердію Твоему прибѣгаю я, изъязвле ный, Владыко мой! Пріими воздыханія мои, какъ слезы блудниц не погнушайся мною ради многихъ струпьевъ моихъ грѣховны Вѣдь Ты Самъ знаешь, Владыко, удобопреклонность ко грѣху ест ства человѣческаго! Помяни, что Единъ Ты — чистъ и пречис и чуждъ всякія скверны; помилуй меня Ты, по естеству благ

милосердый и милостивый, исцѣли слѣпоту мою; исправь меня, какъ Самъ Ты знаешь, ибо одолѣваютъ меня грѣховныя привычки, немоществую душою и тѣломъ и разумомъ, прошло время мое, исчезли въ суетѣ дни мои, настанетъ конецъ моего жизненнаго поприща, а я все еще лѣнивъ и не въ состояніи самъ себя исправить; но отверзи, о Владыко мой, двери милости Твоей и не затворяй ихъ отъ недостойно толкущаго! Простри мнѣ руку помощи въ пучинѣ страстей и сластей обуреваемому, дай мнѣ время покаянія, образуй во мнѣ навыкъ спасительный; ибо если Ты, Господи, что не сдѣлаешь, то, чтобы самъ я ни дѣлалъ, все это не будетъ имѣть силы, все легко разрушится, что-бы я ни началъ, все безуспѣшно, все остается безъ конца.

Ты знаешь, Господи, силу врага и немощь естества нашего, доколѣ же будешь отвращать лицо Свое отъ меня? Доколѣ будетъ возноситься врагъ мой на меня? Обратися, Господи, избави душу мою отъ злодѣйства его, ибо вотъ—онъ всегда стоитъ и уязвляетъ и смѣется надъ безсиліемъ моимъ... Спаси меня ради милости Твоей, а не ради дѣлъ моихъ: вѣдь Ты знаешь, что эти дѣла—злы... *Помяни, Господи, милости Твоея, яко отъ вѣка* простерты на грѣшныхъ,—*аще бо беззаконія назриши* я буду ничто; да не одолѣетъ мое лѣностное разслабленіе и безуміе неизреченное человѣколюбіе Твое; не причти меня къ козлищамъ лѣвымъ,— меня ожесточеннаго во грѣхахъ, страстнаго, недостойнаго милости; не осуди меня, Владыко, какъ раба злаго и непотребнаго, и не погуби меня съ глаголющими: Господи, Господи! и не творящими воли Твоей! Пріими, Владыко, и услыши нечистую и недостойную мою молитву, Ты, спасающій уповающихъ на тебя, не отвергающій моленія грѣшныхъ, подающій руку свою поврежденному на землѣ! Научи меня страху Твоему, дай мнѣ слезы умиленія, дай мнѣ покаяніе, ведущее ко спасенію, ибо къ Тебѣ возвожу я

мысленные взоры души моей: велики щедроты Твои на всѣхъ пр
зывающихъ имя Твое во истинѣ, ибо благословенъ Ты во вѣ
вѣковъ. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ VII.

(Суббота, вечеромъ).

Благодать Твоя даетъ мнѣ дерзновеніе говорить, а любовь к
Твоему милосердію ободряетъ меня. Единый благій и всесвят
Создатель всякаго творенія! прости беззаконія и грѣхи мнѣ ра
Твоему, грѣшному и неразумному. Знаю, Господи, что превосхо
грѣхами всякаго человѣка, но у меня есть и прибѣжище—это к
препобѣждающая бездна щедротъ Твоихъ. Я вѣрую, что Ты пріе
лешь и милуешь всѣхъ притекающихъ къ благости Твоей; я зна
что Ты сердцевѣдѣцъ, и видишь сердце каждаго приходящаго
Тебѣ: покончило ли оно всѣ разсчеты съ міромъ, и прежде, чѣ
онъ подойдетъ къ дверямъ, Ты уже отворяешь ему; прежде, чѣ
онъ прослезится, Ты уже готовъ утѣшить его щедротами Твои
и встрѣчаешь приходящаго къ Тебѣ отъ всего сердца, какъ куп
пришедшаго со многимъ богатствомъ.

Да! Ты любишь принимать покаяніе, Ты желаешь видѣть сле
кающихся. Ты радуешься прилежанію тѣхъ, кто подвизается ра
стяжанія душевной чистоты! Но поелику нельзя купить ни за к
кую цѣну исцѣляющую силу благодати Твоей, а подаешь Ты
даромъ, за однѣ лишь слезы, то дай-же мнѣ недостойному ра
Твоему эти слезы, дабы съ просвѣщеннымъ умомъ, съ любовію
вѣрою въ сердцѣ, умолялъ я неизреченную благость Твою,

исцѣлился отъ сокровенныхъ язвъ моихъ! Покажи на мнѣ самомъ великое милосердіе Твое, о Врачъ Благосердый! Очисти язвы мои!.. Свободи мя отъ стужащихъ мнѣ невидимыхъ враговъ и супостатовъ, да будетъ вѣдомо всѣмъ и всюду, что только одна благодать твоя избавила меня! Владыко Господи! Нашъ немощный умъ подобенъ новонасажденному дереву, которое всегда имѣетъ нужду въ орошеніи—вотъ также и мысль наша будучи немощна, постоянно нуждается въ просвѣщеніи отъ благодати Твоей. Исцѣли меня, Господи, и я исцѣлюся: хотя я, бренное созданіе, уклоняюсь отъ Тебя; но Ты Самъ наполни сердце мое Твоею благодатію и милосердіемъ Твоимъ. Сердобольная мать, отвергаемая дѣтищемъ своимъ, не презираетъ его, Господи, потому что побѣждаема бываетъ материнскою любовію, — и сердоболіе птички изливается на птенцовъ ея; она ежечасно навѣщаетъ ихъ, носитъ имъ пищу и заботится о томъ, какъ бы возрастить ихъ, ибо къ тому побуждаетъ ее врожденная любовь материнская,—вотъ также и Твое милосердіе, Господи, побуждается отъ свойственной Тебѣ отъ всего сердца.

Но вѣдь для неразумной твари не будетъ суда, а я, страстный, сознательно согрѣшающій, я знаю, что буду осужденъ за то, что не помышляю объ ономъ страшномъ испытаніи, которому подверженъ буду за каждое слово праздное, за каждое помышленіе неправое, за каждое вождѣленіе злое. Не жалѣю я и своихъ малыхъ трудовъ (какіе при помощи Твоей же подъемлю ради спасенія),—но лишь только представляется мнѣ удовольствіе, тотчасъ же и вдругъ я забываю все: и молитву, и слезы, и постъ, и бдѣніе, и колѣнопреклоненія, и время данное мнѣ на покаяніе, и какъ безумный снова работаю грѣху!.. Или думаешь ты, что Богъ не правосуденъ, о душа моя!.. Или же Онъ хочетъ показать настоящую цѣну дѣлъ нашихъ? Отчего находитъ на меня столь часто сухость сердечная и нерадѣніе, отчего я, забывшись, дѣлаюсь разсѣянъ и неосторожень, тщеславенъ и гнѣвливъ, горделивъ и лѣ-

нивъ, чревоугодливъ и сластолюбивъ, оскверняюсь нечистыми и
мыслами и не имѣю предъ очами своими ни страха Божія, н
будущаго суда страшнаго?..

И вотъ, душою прискорбною снова и снова взываю къ Тебѣ
Владыко, принуждаемый жаловаться на лютыхъ враговъ моихъ
Виждь, Владыко, униженіе мое, и будь мнѣ прибѣжищемъ,—за
прети злодѣямъ, которые ежечасно обступаютъ меня съ лестію,
я того и не разумѣю; они возбуждаютъ во мнѣ превозношеніе
а я нимало не смиряюсь; они полагаютъ мнѣ препятствія, дабы
я не молился, ибо знаютъ, что если я ввозову со слезами к
Твоей благости, то они не устоятъ... Увы мнѣ грѣшному! Кака
у меня супостаты въ горестномъ состояніи души моей!.. Я при
текаю къ Тебѣ, Владыкѣ моему милосердому, долготерпѣливому
всеблагому, имущему власть на небеси и на земли...

Ускори услышать меня, Господи, отмсти за меня—вѣдь я только
на Тебя Единаго и надѣюся во дни и въ нощи... Владыко мой
не умедли отмстить за меня врагамъ моимъ невидимымъ, отними
меня у враговъ этихъ, прими подъ свою защиту, дабы я побѣ
дилъ ихъ Твоимъ же заступленіемъ и помощію, Тебя Единаго
благословлялъ, Тебя Единаго и прославлялъ; да возсіяетъ мнѣ
святая благодать Твоя въ славѣ, да просвѣтитъ она мое обезу
мѣвшее отъ пожеланій грѣховныхъ разумѣніе, да плѣнитъ Ея
непостижимою и несказанною красотою славы Твоей. Пришествіе
благодати Твоей, о Владыко мой, подаетъ сладость, безмолвіе,
тишину, умиленіе; ея волнами услаждается сердце, просвѣщаемое
Духомъ Святымъ, все земное, всѣ гибельныя страсти вдругъ по
кидаютъ тогда душу мою, ибо волны благодатныя согрѣваютъ и
умъ, и разуміе, и сердце; Ты, всеблагій, изливаешь ее памъ, и
даруешь ее каждому по мѣрѣ его подвиговъ, и обогощаешь ею;
почерпай же, о душа моя грѣшная, почерпай постомъ и бдѣніемъ
дары отъ сего источника, изливающаго воды небесныя, пока есть

у тебя время! Волны святой благодати Твоей, Господи, и просвѣщенія Св. Духа въ душѣ подобны раю царствія небеснаго, полноту древесъ плодоносныхъ и плодовъ прекрасныхъ имѣющихъ многоразличный вкусъ и доставляющихъ устамъ сладость, сердцу—веселіе, очамъ—красоту, а обонянію несказанное благоуханіе. Счастлива душа, непоколебимо твердая въ дѣлѣ воздержанія, ничѣмъ себя не оскверняющая, ибо въ ней всечасно умножаются волны благодати Твоей,— она просвѣщается, утѣшается, веселится; ничто не утѣшаетъ ее на землѣ, ею возобладала любовь Твоя, и утѣшенія небеснаго чертога влекутъ ее къ себѣ. Припадаю и я къ щедротамъ Твоимъ Сыне Божій, Единородный, да посѣщаетъ и меня грѣшнаго во всякое время благодать Твоя, да будетъ она мнѣ и просвѣщеніемъ, и покровомъ, и заступленіемъ, и прибѣжищемъ, и укрѣпленіемъ, — дабы я могъ укрыться подъ крылами ея, въ часъ страшнаго суда Твоего, дабы стать мнѣ одесную Тебя вмѣстѣ съ тѣми, которые мужественно подвизались и благоугодили Тебѣ, и помилованный благодатію, безконечно всемогущую благость Твою во вѣки вѣковъ. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ VIII.

(Воскресенье).

Какъ бы предъ страшнымъ престоломъ Твоимъ предстоя, Гос
поди, вижу я, осужденный, и обличеніе дѣлъ моихъ, и Твої
приговоръ праведный, отвергающій меня грѣшнаго отъ Святаг
лица Твоего и осуждающій на муки нестерпимыя. И какъ тогд
я буду взывать къ Тебѣ, такъ и теперь съ трепетомъ и слезам
вопію: праведенъ Ты, о Судія Праведнѣйшій! и праведенъ суд
Твой, и не потерпѣлъ я никакой неправды отъ этого суда! Доб
рые святѣйшіе Ангелы! проливайте обо мнѣ слезы, ибо я сам
себя не помиловалъ, я самъ презрѣлъ милость Божію, и тепер
во истину праведно пріемлю муки... Я самъ оскорбилъ человѣко
любивое милосердіе Божіе, и по дѣламъ несу наказаніе... Когд
Господь предлагалъ мнѣ милость, я, безрасудный, не хотѣлъ слу
шать Его, и вотъ совершенно справедливо Онъ отвращается от
меня. Тогда со гнѣвомъ скажутъ мнѣ Ангелы: теперь уже не врем
покаянію, о несчастный! Теперь время воздаянія; утѣшеніе ныи
уже не имѣетъ силы, безполезны и слезы покаянныя, только слез
отъ мученія нынѣ льются потокомъ; не слышно здѣсь умиленныхъ
воздыханій обращенія, а слышны однѣ рыданія безконечныя... Ид
же, получай горькое и тяжкое воздаяніе за дѣла Твои,—гори в
пламени, какъ вещество нечистое, служи пищею геенны неугасимо
и червія неусыпающаго! Наслаждайся, какъ сынъ тьмы, тьмо
вѣчною, которую ты самъ возлюбилъ, веселись, смотря на мрачны
образы демоновъ за то, что ты самъ отвратился отъ свѣта присно

сущаго! Вотъ тамъ-то будетъ плачъ нескончаемый, будетъ мучительный скрежетъ зубовъ!

Горе мнѣ, горе мнѣ, душа моя страстная, обнаженная отъ всѣхъ дѣлъ благихъ! Какъ ты воззришь на Судію неподкупнаго, когда Архангелы будутъ предстоять Ему въ благоговѣйномъ страхѣ слугъ Божіихъ, когда люди будутъ стоять въ трепетѣ предъ страшнымъ Судищемъ Создателя всѣхъ, и будетъ тогда судъ безъ милости, не сотворившимъ здѣсь милости.

Что тогда скажу я въ свое оправданіе, душа моя, когда буду рыдать и ни въ комъ не найду себѣ защитника! Видишь свои грѣхи, видишь долги неоплатные,—подумай-же о грядущемъ судѣ! Пока есть еще время, воздыхай, плачь, чтобъ получить прощеніе своихъ согрѣшеній, дабы не засталъ тебя послѣдній часъ неготоваго въ нераскаянности, въ служеніи страстямъ! Что мнѣ сказать тогда, душа моя, когда буду я рыдать, въ отчаяніи поверженный на землѣ, когда пріидутъ за тобою ангелы, и овладѣетъ тобою страхъ и трепетъ несказанный, и будешь ты горько воздыхать, помышляя о томъ, что дѣлала, а оправдаться въ дѣлахъ своихъ будешь не въ состояніи! И увидишь ты безчисленное множество демоновъ; съ одной стороны человѣколюбивые Ангелы Божіи, съ другой человѣконенавистные демоны, и будешь ты часто обращать взоры туда и сюда, и не будетъ никого, ктобы могъ тогда защитить тебя и избавить отъ демоновъ.

Покайся же, медли, спѣши, пока не насталъ для тебѣ тотъ грозный часъ, — сбрось съ себя бремя грѣховное! Приди въ сокрушеніе сердечное, душа моя, брось служеніе страстямъ, и постарайся проводить жизнь въ покаяніи, дабы не похитила тебя внезапно, какъ левъ рыкающій, смерть безжалостная!.. Единый безгрѣшный, Единый многомилостивый, источникъ благости и милосердія! Ты всѣмъ человѣкамъ желаешь спасенія; Ты не хочешь смерти согрѣшающимъ предъ Тобою; Ты всѣхъ зовешь къ пока-

янію,—къ Тебѣ припадаю, Владыко, я, рабъ осужденія достойный, къ Тебѣ простираю руки, во всемъ виновный,—къ Тебѣ возвожу очи и сердце мое, и умоляю благость Твою, о Владыко мой; спаси меня окаяннаго, много предъ Тобою согрѣшившаго! Я превзошелъ всѣхъ согрѣшившихъ предъ Тобою, я опередилъ всѣхъ въ служеніи своимъ страстямъ; какая же тьма ожидаетъ меня окаяннаго! Какой огнь уготовленъ мнѣ блудному!?

Я склоняю колѣна мои, я бью челомъ въ землю, я проливаю слезы и рыдаю, я взываю къ Тебѣ: Господи, Господи, помоги мнѣ! Избавь меня отъ овладѣвшихъ мною страстей! Не презри, Владыко, моей сокрушенной молитвы. Я простираю осквернены грѣхомъ руки мои—не отвергни меня, обремененнаго страстями,—призри на меня человѣколюбиво благоувѣтливымъ милосердіемъ Твоимъ! Я осквернилъ себя плотоугодіемъ, я опорочилъ красоту души моей, я поработилъ себя плотскимъ мудрованіямъ, я погубилъ мое прежнее самовластіе, я внималъ совѣтамъ врага моего, служилъ страстямъ, какъ идоламъ, исполнялъ пожеланія плоти, помрачилъ свѣтъ разума моего, и почтенный честію сыновства отъ Самого Бога, уподобилъ себя скотамъ несмысленнымъ.

И вотъ, овладѣваетъ мною страхъ, трепетъ и ужасъ, когда представляю себѣ посѣченіе смертное, непримѣтно приближающееся ко всякому, и все же остаюсь неисправляющимся! Изъ глубины души взываю къ Тебѣ, Господи,—со слезами и воздыханіями припадаю: буди милостивъ ко мнѣ, о Человѣколюбецъ! Въ Тебѣ Единомъ полагаю всю надежду мою; помоги мнѣ избѣжать гнѣва грядущаго и будущаго осужденія; благоволи, да будетъ душа моя ожесточенная многоплодною въ добродѣтеляхъ,—мои помыслы безплодные истреби огнемъ Духа Святаго, не посѣки меня, какъ дерево безплодное, не предавай огню неугасимому, дабы я не оказался пищею огня, какъ плевелы, но какъ пшеницу возьми меня въ житницу Твою, о Боже мой!

Не дерзая воззрѣть на небо, я преклоняю колѣна сердца, окаянный!.. Пріими молитву изъ устъ нечистыхъ, единый безгрѣшный Создатель мой! Ты—Царь всѣхъ Всемогущій, Ты низложилъ мятежнаго Веліара, Ты избавь меня отъ всякихъ беззаконій! И Ангелы, и люди, увидѣвъ обращеніе мое, составятъ праздникъ во славу Твою. Презрѣлъ я животворящія заповѣди Твоя, обольстился дѣлами срамными,—не погнушайся мною, Преблагій Владыко, но избавь меня отъ рабства лукаваго! Со страхомъ сердечнымъ умоляю Тебя: Ты создалъ меня по благости Твоей, обогатилъ меня дарами многими, и возлюбилъ меня до того, что ради меня воплотился и смерть претерпѣлъ, а я не захотѣлъ помнить толикую любовь Твою, Избавитель мой,—я весь сдѣлался рабомъ грѣховной сласти, осквернивъ и тѣло и душу; каждый день взываю: я согрѣшилъ! а все же грѣшить не перестаю!.. И стою нынѣ осужденный предъ Тобою, о Всеблагій! Даруй мнѣ прощеніе злыхъ дѣлъ моихъ, какъ Богъ милостивый и человѣколюбивый!..

Богородице Дѣво, Мати Божія, дверь небесная и ковчегъ Божій,—Ты наше непостыдное спасеніе,—спаси меня, Владычице, хотя я и не заслужилъ сего!

Полки Ангеловъ на небесахъ заботятся о мнѣ, дабы враги не похитили внезапно душу мою и не погрузился бы я въ струяхъ пламени геенскаго!

Законоподвижники св. Апостолы будутъ тогда сидѣть на престолахъ вмѣстѣ съ Судіею Господомъ, меченосные Ангелы страшные раздѣлятъ грѣшниковъ отъ неправедныхъ,—восплачется тогда всякое дыханіе, ибо не будетъ конца лютымъ мученіямъ! Предупреди же все это, о душа моя,—рыдай, какъ рыдала оная блудница Евангельская!

Избавь меня, Спаситель мой, страшнаго прещенія мукъ оныхъ ужасныхъ! Тебя непрестанно воспѣваютъ Херувимы, сѣдящаго на четверообразныхъ Серафимахъ, Тебя прославляютъ, какъ слуги, всѣ чины небесные, какъ Троицу во Единицѣ. Ты—Свѣтъ не-

рожденный Отче, Ты имѣешь Сына собезначальнаго и Духа сопри-
сносущнаго, дарующаго всѣмъ дыханіе жизни; Ты—Щедръ и Благ
и Милосердъ; молитвами мучениковъ, пророковъ, апостоловъ, пре-
преподобныхъ и Святителей услыши и насъ, молящихся Тебѣ
Пренебесный, Господи,—слава Тебѣ!

Царю вѣковъ, Безсмертному, Невидимому, Премудрому Богу чест
и слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Инокъ Фикара.

Свѣтлое Христово Воскресеніе.

„День этотъ, говоритъ Гоголь,—есть тотъ святой день, в
который празднуетъ святое, небесное свое братство все человѣчест
до единаго, не исключивъ изъ него ни одного человѣка. Какъ-б
этотъ день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому вѣк
когда мысли о счастіи человѣчества сдѣлались почти любимы
мыслями всѣхъ; когда обнять все человѣчество, какъ братьев
сдѣлалось любимою мечтою молодого человѣка; когда многіе толь
и грезятъ о томъ, какъ преобразовать все человѣчество, какъ во
высить внутреннее достоинство человѣка; когда почти половина уз
признала торжественно, что одно только христіанство въ силах
это произвести; когда стали утверждать, что слѣдуетъ ближе внес
Христовъ законъ, какъ въ семейный, такъ и въ государственн
бытъ; когда подвиги сердолюбія и помощи несчастнымъ стали ра
говоромъ даже модныхъ гостинныхъ; когда, наконецъ, стало тѣс
отъ всякихъ человѣколюбивыхъ заведеній! Какъ-бы, казалось, д
вятнадцатый вѣкъ долженъ былъ радостно воспраздновать этот
день, который такъ по сердцу всѣмъ великодушнымъ и человѣк

любивымъ его движеніямъ! Но на этомъ-то самомъ днѣ, какъ на пробномъ камнѣ, видишь, какъ блѣдны всѣ его христіанскія стремленія, и какъ всѣ они въ однѣхъ только мысляхъ, а не на дѣлѣ, придется ему обнять въ этотъ день своего брата, какъ брата—онъ его не обниметъ. Все человѣчество готовъ онъ обнять, какъ брата, а брата—не обниметъ. Отдѣлись отъ этого человѣчества, которому онъ готовитъ такое великодушное объятіе, одинъ человѣкъ, оскорбившій его, которому повелѣваетъ Христосъ въ ту же минуту простить,—онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, несогласный съ нимъ въ какихъ-нибудь ничтожныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ,—онъ уже не обниметъ его. Отдались отъ этого человѣчества одинъ, страждущій виднѣе другихъ тяжелыми язвами своихъ душевныхъ недостатковъ, больше всѣхъ другихъ требующій состраданія къ себѣ,—онъ оттолкнетъ его и не обниметъ. И достанется его объятіе только тѣмъ, которые ничѣмъ еще не оскорбили его, съ которыми не имѣлъ онъ и случай столкнуться, которыхъ онъ никогда не зналъ и даже не видалъ въ глаза. Вотъ, какого рода объятія всему человѣчеству даетъ человѣкъ нынѣшняго вѣка и часто именно тотъ самый, который думаетъ о себѣ, что онъ истинный человѣколюбецъ и совершенный христіанинъ!

Нѣтъ, не празднуетъ нынѣшній вѣкъ Свѣтлаго Праздника такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться. Есть страшное препятствіе, есть непреоборимое препятствіе; имя его—*гордость*. Она была извѣстна и въ прежніе вѣка, но то была гордость болѣе ребяческая, гордость своими физическими силами, гордость своими богатствами, гордость родомъ и званіемъ; но не доходила она до того страшнаго духовнаго развитія, въ какомъ предстала теперь. Теперь она явилась въ двухъ видахъ. Первый видъ ея—гордость своею чистотою.

Обрадовавшись тому, что стали во многомъ лучше своихъ предковъ, люди нынѣшняго вѣка влюбились въ чистоту и красоту свою. Никто еще не стыдится хвастаться публично душевною красотою

своею и считать себя лучше другихъ. Стоитъ только приглядѣться, какимъ рыцаремъ благородства выступаетъ изъ насъ теперь всякъ, какъ безпощадно и рѣзко судитъ о другомъ. Стоитъ только прислушаться къ тѣмъ оправданіямъ, какими онъ оправдываетъ себя въ томъ, что не обнялъ своего брата даже въ день Свѣтлаго Воскресенія. Безъ стыда и не дрогнувъ душею, говоритъ онъ:—„Я не могу обнять этого человѣка: онъ мерзокъ, онъ подлъ душею, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ; я не пущу этого человѣка даже въ переднюю свою; я даже не хочу дышать однимъ воздухомъ съ нимъ; я сдѣлаю кругъ, чтобъ объѣхать его и не встрѣчаться съ нимъ. Я не могу жить съ подлыми и презрѣнными людьми—неужели мнѣ обнять такого человѣка девятнадцатаго вѣка, что нѣтъ ни подлыхъ, ни призрѣнныхъ людей, но всѣ люди—братья той же семьи, и всякому человѣку имя *братъ*, а не какое-либо другое. Все разомъ и вдругъ имъ позабыто; позабыто, что можетъ быть, затѣмъ именно и окружили его презрѣнные и подлые люди, чтобы взглянувши на нихъ, взглянулъ онъ на себя, и поискалъ-бы въ себѣ тогоже самого, чего такъ испугался въ другихъ. Позабыто, что онъ самъ можетъ на каждомъ шагу, даже не примѣтивъ того, самъ, сдѣлать тоже подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ—въ видѣ не пораженномъ публичнымъ позоромъ, но которое одинако-же, выражаясь пословицею: „есть тотъ же блинъ, только на другомъ блюдѣ“. Все позабыто! Позабыто имъ то, что, можетъ быть, оттого развелось такъ много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчеловѣчно ихъ оттолкнули лучшіе и прекраснѣйшіе люди, и тѣмъ заставили пуще ожесточиться. Будтобы легко выносить въ себѣ презрѣніе! Богъ вѣсть, можетъ быть иной совсѣмъ не былъ рожденъ безчестнымъ человѣкомъ; можетъ быть бѣдная душа его, безсильная сражаться съ соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевною, поддержалъ-бы ее на краю пропасти. Можетъ быть,

одной капли любви къ нему было бы достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто-бы дорогою любви было трудно достигнуть къ его сердцу; будто бы уже до того окаменѣла въ немъ природа, что никакое чувство не могло въ немъ пошевелиться, когда и разбойникъ благодаренъ за любовь, когда и звѣрь помнитъ ласкающую его руку! Но все позабыто человѣкомъ девятнадцатаго вѣка, а отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачъ отталкиваетъ отъ себя покрытаго гноемъ нищаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданій его; ему-бы только не видать гноя ранъ его. Онъ даже не хочетъ услышать исповѣди его, боясь, чтобы не поразилось обоняніе его смраднымъ дыханіемъ устъ несчастнаго, гордый благоуханіемъ чистоты своей. Такому ли человѣку воспраздновать праздникъ небесной любви?

Есть другой видъ гордости, еще сильнѣйшій перваго—*гордость ума*. Никогда еще не возрастала она до такой силы, какъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Она слышится въ самой боязни каждаго прослыть дуракомъ. Все вынесетъ человѣкъ вѣка: вынесетъ названіе плута, подлеца; какое хочешь дай ему названіе, и только не снесетъ названія дурака. Умъ его для него святыня. Изъ-за малѣйшей насмѣшки надъ умомъ своимъ, онъ готовъ сію-же минуту поставить своего брата на благородное разстояніе, посадить, не дрогнувши, ему пулю въ лобъ. Ничему и ни во что онъ не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ умъ свой. Чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. Онъ позабылъ даже, что умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы. Онъ позабылъ и то, что нѣтъ всѣхъ сторонъ ума ни въ одномъ человѣкѣ; что другой человѣкъ можетъ видѣть именно ту сторону, которую онъ не можетъ видѣть, и стало быть знать то, чего онъ не можетъ знать. Не вѣритъ онъ этому, и все, чего не видитъ онъ самъ, то для него ложь. И тѣнь христіанскаго смиренія

не можетъ къ нему прикоснуться изъ-за гордыни его ума. Во всемъ онъ усомнится: въ сердцѣ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, но не усомнится въ своемъ умѣ. Уже ссоры и брани начались не за какія-нибудь существенныя права, не изъ-за личныхъ ненавистей; нѣтъ, не чувственныя страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуютъ лично изъ-за несходства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мірѣ мысленномъ. Уже образовались цѣлыя партіи, другъ друга невидѣвшія, никакихъ личныхъ сношеній еще не имѣвшія,—и уже другъ друга ненавидящія. Поразительно: въ то время, когда было уже начали думать люди, что образованіемъ выгнали злобу изъ міра,— злоба другой дорогою, съ другаго конца входитъ въ міръ,— дорогою ума, и на крыльяхъ журнальныхъ листовъ, какъ всепогубляющая саранча, нападаетъ на сердца людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинаютъ говорить, хотя противъ собственнаго своего убѣжденія, изъ за-того только, что гордость не позволяетъ сознаться передъ всѣми въ ошибкѣ; уже одна чистая злоба воцарилась вмѣсто ума.

И человѣку-ли такого вѣка умѣть полюбить и почувствовать христіанскую любовь къ человѣку? Ему ли исполниться того свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества, которое собираетъ всѣхъ людей въ одну семью? Ему-ли услышать благоуханіе небеснаго братства нашего? Ему-ли воспраздновать этотъ день? Исчезнуло даже и то наружнодобродушное выраженіе прежнихъ простыхъ вѣковъ, которое давало видъ, какъ будто бы человѣкъ былъ ближе къ человѣку. Гордый умъ девятнадцатаго вѣка истребилъ его. Дьяволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ. Духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей; онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почувъ, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ; глу-

пѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались; и міръ это видитъ, и не смѣетъ ослушаться! Что значитъ эта мода, ничтожная, незначущая, которую допустилъ въ началѣ человѣкъ, какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что есть главнѣшаго и лучшаго въ человѣкѣ? *Никто не боится преступать нѣсколько разъ въ день перѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа*, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ рабскій мальчишка! Что значитъ, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смѣются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтренники подъ ея дудку? Что значатъ эти такъ называемыя безчисленныя приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что значатъ эти странныя власти, образовавшіяся помимо законныхъ,—постороннія, побочныя вліянія? Что значитъ, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остаются въ сторонѣ; что люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей? И газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ неуважающаго его человѣка? Что значатъ всѣ незаконные эти законы, которые видимо въ виду всѣхъ чертитъ исходящая снизу нечистая сила, и міръ, это видитъ весь, и какъ очарованный не смѣетъ шевельнуться? Что за страшная насмѣшка надъ человѣчествомъ? Зачѣмъ онъ приходитъ скликать въ одну семью разсѣедшихся людей? Зачѣмъ еще уцѣлѣли люди, которымъ кажется, что они какъ бы свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество, которое утратилъ гордый нынѣшній человѣкъ? Зачѣмъ еще не позабылъ человѣкъ на вѣки это младенчество и оно еще шевелитъ нашу душу? Зачѣмъ все это? Къ чему? Будто неизвѣстно зачѣмъ? Будто не видно къ чему? Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника,

сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно Ангелу на небѣ, и завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряда другихъ дней, одинъ бы день только провести не въ обычаяхъ девятнадцатаго вѣка, но въ обычаяхъ вѣчнаго вѣка, въ одинъ бы день только обнять, обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга, хотя бы только затѣмъ, чтобъ завтра же оттолкнуть его отъ себя и сказать ему, что онъ намъ чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать такъ, хотя бы только насильно заставить себя сдѣлать это, ухватиться-бы за этотъ день, какъ утопающій хватается за доску! Богъ вѣсть, можетъ быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянется рука, помогающая возлетѣть по ней.

Но и одного дня не хочетъ провести такъ человѣкъ девятнадцатаго вѣка! И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!“ (*Изъ переписки съ друзьями*, гл. 32).

О суевѣріи и объ истинномъ Богопочитаніи.

Суевѣріе такъ же распространено среди людей, и такъ же пагубно, какъ и невѣріе.

Истинное Богопочитаніе свободно отъ суевѣрія; когда въ него проникаетъ суевѣріе, то оно разрушается. Христосъ указалъ намъ,

въ чемъ истинное Богопочитаніе. Онъ училъ, что изъ всего того, что мы дѣлаемъ въ своей жизни, одно есть свѣтъ и счастіе людей, это—наша любовь другъ къ другу; Онъ училъ, что счастія нашего мы можемъ достигнуть только тогда, когда будемъ служить и помогать людямъ, а не себѣ.

Не удивляйтесь тому, что простые люди вѣрятъ въ Бога безъ всякихъ разсужденій. Такъ и должно быть. Богъ далъ имъ любовь къ Нему и преклонилъ сердце ихъ къ вѣрѣ. Если бы Богъ не притягивалъ къ себѣ людей, то не могло бы быть и вѣры. Вѣра открывается человѣку тогда, когда онъ почувствуетъ это притяженіе. Объ этомъ самомъ просилъ Давидъ, когда говорилъ: „Преклони сердце мое къ откровеніямъ Твоимъ, а не къ корысти".

Богъ водворяетъ вѣру въ сердце человѣка съ помощью совѣсти и разума. Водворять вѣру силою и угрозами нельзя; силою и угрозами водворяютъ не вѣру, а ужасъ. Не слѣдуетъ осуждать и укорять невѣрующихъ и заблуждающихся: они и безъ того достаточно несчастны отъ своихъ заблужденій. Слѣдовало бы укорять ихъ только въ томъ случаѣ, еслибъ это могло принести имъ пользу; но это, наоборотъ, только больше отталкиваетъ ихъ и тѣмъ причиняетъ имъ вредъ.

Сердце имѣетъ свои особыя побужденія, которыхъ не знаетъ умъ. У сердца свои законы, у разсудка и ума—свои. Сердце по непосредственному впечатлѣнію притягивается или отталкивается; умъ-же дѣйствуетъ на основаніи соображеній, доказательствъ, правилъ. Умъ познаетъ истину; а сердце чуетъ ее.

И потому смѣшно было-бы стараться заставить человѣка сердцемъ полюбить своего ближняго, приводя для этого разныя соображенія, доказательства и правила.

Истинный христіанинъ желаетъ добра не только ближнимъ своимъ, но и врагамъ; и не только—своимъ врагамъ, но и врагамъ

Божіимъ, т. е. невѣрующимъ. И потому любовь его къ людямъ часто доставляетъ ему не удовольствіе, а страданіе.

Чѣмъ человѣкъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ ума и доброты въ людяхъ.

Человѣку, познавшему Бога, еще далеко до любви къ Нему, т. е. до желанія исполнять волю Божію.

Истинная мудрость учитъ людей становиться похожими на дѣтей.

Ученіе Христа научаетъ даже дѣтей тому, до чего взрослые съ большимъ трудомъ доходятъ въ своихъ наукахъ.

Богъ, по ученію Христа, есть Богъ любви и утѣшенія: Онъ наполняетъ нашу душу и владѣетъ ею. Онъ даетъ намъ чувствовать наше ничтожество и Его величіе; Онъ сочетается съ душою людей, вѣрующихъ въ Него, наполняетъ ее радостью, довѣріемъ, любовью и дѣлаетъ ихъ неспособными къ другой цѣли, какъ только служить Ему. (*Блазъ Паскаль:* „Мысли“, стр. 95—99).

Должно неустанно наблюдать за собою.

Если ты перестанешь наблюдать за собою, хотя бы на одну только минуту, то помни, что этой минуты ты никогда не воротишь. Сначала мы легко привыкаемъ не слѣдить за собою, а потомъ все откладываемъ исправленіе этой своей ошибки, и этимъ самымъ мы со дня на день отдаляемъ отъ себя возможность жить добродѣтельно и счастливо. Если мы думаемъ, что полезно откладывать исправленіе себя, то значитъ лучше всего и вовсе отъ этого отказаться. Если же исправленіе себя полезно, то не зачѣмъ и откладывать его ни на одинъ день.

— Но сегодня мнѣ хочется поиграть и попѣть.

— Ну, что-же! Это нисколько не мѣшаетъ тебѣ въ то же время и наблюдать за собою. Ничто не можетъ испортиться отъ вниманія или сдѣлаться лучше отъ невниманія. Безъ вниманія ни плотникъ не исполнитъ успѣшно своей работы, ни кормчій не справится съ кораблемъ. Если ты разъ сдѣлаешь что-нибудь безъ вниманія, то потомъ тебѣ труднѣе станетъ управлять собою, и ты легко подпадешь всякимъ соблазнамъ.

— На что же долженъ я, наблюдая за собою, обращать особенное вниманіе?

— Прежде всего ты долженъ постоянно помнить главныя Божескія истины. Держи ихъ всегда въ умѣ своемъ и утромъ, вставая, и вечеромъ, ложась спать, и днемъ, садясь за ѣду и обращаясь съ людьми. Помни, что никто не можетъ быть господиномъ надъ разумомъ и волею твоими, и что въ разумѣ и волѣ человѣка находится добро и зло для него. Значитъ, нѣтъ человѣка, который могъ бы мнѣ сдѣлать добро или зло,—это могу сдѣлать только я самъ, и потому мнѣ нечего бояться ни притѣснителя, ни болѣзни, ни бѣдности, ни какихъ-либо помѣхъ.

— Ты не нравишься,—говорятъ мнѣ,—вотъ этому высокопоставленному человѣку!

— А мнѣ что за дѣло до этого? — отвѣчаю я. — Разумъ и воля мои не въ его распоряженіи.

— Но вѣдь онъ можетъ надѣлать тебѣ много зла.

— Онъ можетъ причинить зло только тѣмъ, кто считаетъ его сильнѣе себя, и только для нихъ онъ страшенъ. У меня же есть свой хозяинъ, которому одному я повинуюсь. Богъ — хозяинъ мой, и мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ хозяевъ, потому что Самъ Богъ приставилъ ко мнѣ въ начальники меня самого, и сдѣлалъ такъ, что я могу разумѣть Его волю и хочу слѣдовать Его законамъ.

Руководствуясь данными и мнѣ Богомъ разумомъ и совѣстью, я долженъ постоянно наблюдать за собою и стараться поступать какъ слѣдуетъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Я долженъ знать, когда подобаетъ мнѣ работать, когда можно отдохнуть, когда радоваться мнѣ или печалиться. Я долженъ чувствовать, что кстати и что не кстати; что своевременно, что нѣтъ; когда и надъ чѣмъ позволительно пошутить и посмѣяться, и въ какихъ случаяхъ это было бы неумѣстно. Для того, чтобы исполнить все это необходимо постояно зорко наблюдать за собою и никогда ничего не дѣлать зря, спустя рукава.

— Да развѣ можно быть непогрѣшимымъ человѣкомъ?

— Конечно, нельзя. Но можно стараться быть непогрѣшимымъ. И велика бываетъ радость его, когда, благодаря неослабному наблюденію надъ собою, онъ избѣгаетъ какого-нибудь дурнаго дѣла или уберегается отъ ошибки, въ которую чуть было не впалъ.

И такъ безумно говорить, что я буду завтра внимателенъ къ себѣ. Это все равно, что сказать: сегодня я хочу быть негоднымъ мерзавцемъ. Если наблюдать за собою полезно завтра, то оно столько же и даже еще болѣе нужно и полезно сегодня. И потому наблюдай за собою, какъ можно внимательнѣе сегодня для того, чтобы завтра не оплошать. (*Ученіе Эпиктета*, стр. 76—77).

Путь блага.

Передо мной моя задача и все, что мнѣ встрѣчается въ жизни мертваго, неразумнаго, сбившагося съ пути истины, не должно быть мнѣ помѣхой и сбивать *меня* съ моего пути.

Кто всю жизнь не держится одной, разъ избранной цѣли, тотъ не можетъ оставаться вѣренъ самому себѣ. Но мало этого, надо добавить, какая должна быть эта цѣль. Эта цѣль есть собственное благо, поэтому надо твердо знать, *что* хорошо, и *что* ведетъ къ благу. Но нельзя считать благими личныя выгоды и утѣхи, которыя обыкновенно почитаются таковыми. Настоящихъ благъ немного. То только истинное благо и добро, что есть благо и добро для всѣхъ. Поэтому, чтобы не уклоняться отъ избранной цѣли, надо, чтобъ эта цѣль была добро, согласное съ общимъ благомъ. Кто направитъ свою дѣятельность на такую цѣль—пріобрѣтетъ себѣ благо, дѣлая всякому добро и всю жизнь останется вѣренъ самому себѣ.

Тебѣ всегда будетъ хорошо, если ты будешь идти прямымъ путемъ, разумно разсуждать и справедливо дѣйствовать, что свойственно Божественному разуму и однородному съ нимъ разумѣнію въ человѣкѣ. Знай, во-первыхъ, что нѣтъ такой власти, которая могла-бы сбить тебя съ разумно избраннаго пути; во-вторыхъ, что высшее благо состоитъ въ справедливомъ образѣ мыслей и дѣйствій по совѣсти и разуму. Въ этомъ все твое дѣло.

Попробуй, можетъ быть тебѣ удастся прожить, какъ человѣку, довольному своей судьбой, пріобрѣтшему внутренній міръ любовью и добрыми дѣлами.

Приставлять одно доброе дѣло къ другому такъ плотно, чтобы между ними не оставалось ни малѣйшаго промежутка, вотъ что я называю наслаждаться жизнью.

Когда ты твердо убѣжденъ и помнишь, что съ часу на часъ тебѣ предстоитъ сбросить свою внѣшнюю оболочку, тебѣ легче соблюдать справедливость и поступать по правдѣ, легче покориться судьбѣ своей. Тогда ты встрѣтишь невозмутимо всякіе людскіе толки, пересуды, покушенія, ты даже не станешь думать о нихъ. Весь поглощенный лишь двумя задачами, ты поступишь справедливо въ каждомъ предстоящемъ тебѣ сегодня дѣлѣ, и безропотно снесешь сегодняшнее бремя свое. Такъ человѣкъ можетъ достигнуть внутренняго мира, ибо всѣ желанія его сольются въ одно: пребывать во власти Бога.

Какая сила въ человѣкѣ, который дѣйствуетъ всегда по волѣ Божіей и во всемъ ему покоренъ,—эту силу не одолѣютъ никакіе враги и препятствія. (*Размышленія Марка Аврелія*, стр. 80—85)

КОНЕЦЪ.

2007044341